

Заклятие параноика (сборник)

Автор:

Стивен Кинг

Заклятие параноика (сборник)

Стивен Кинг

Когда в обычную жизнь приходит безумие, когда подступает со всех сторон ослепляюще черная тьма, тогда – вместе с безумием – приходит Смерть. Смерть многолика и неуловима. Смерть таится везде: в мирном студенческом городке и на спокойной глади лесного озера. Смерть ухмыляется из старинной рамы антикварного зеркала. Смерть скрывается во взглядах и в пожатии рук. Смерть несет с собою безумие, и безумие несет с собою Смерть...

Стивен Кинг

Заклятие параноика (сборник)

Возвратившийся Каин

[1 - Cain Rose Up. © Stephen King, 1968. © 1997. Д.В. Вебер. Перевод с английского.]

С яркого майского дня Гарриш вошел в прохладу общежития. Какое-то время его глаза привыкали к сумраку холла, так что поначалу он лишь услышал голос Гарри Бобра, донесшийся из тени.

– Жуткий предмет, не правда ли? – спросил Бобер. – Действительно жуткий.

– Да, – кивнул Гарриш. – Крепкий орешек.

Теперь его глаза различали Бобра. Тот тер прыщи на лбу, а мешки под глазами блестели от пота. Одет он был в сандалии на босу ногу и футболку. На груди висел значок-кнопка, гласящий, что Хоуди Дуди – извращенец. В полумраке белели громадные передние зубы Бобра.

– Я собирался сдать его еще в январе, – бубнил Бобер. – Говорил себе, что надо сдавать, пока есть время, но вот дотянул до последнего. Думаю, я провалил экзамен, Курт. Честное слово.

В углу, у почтовых ящиков, стояла комендантша. Невероятно высокая женщина, чем-то похожая на Рудольфа Валентино. Одной рукой она пыталась вернуть лямку бюстгальтера под платье, другой прикрепляла к доске объявлений какую-то бумажку.

– Тяжелый случай, – вздохнул Гарриш.

– Я хотел тебя кое о чем спросить, но не решился, потому что у этого парня глаза, как у орла. Ты думаешь, что опять получишь «А»?

– Я думаю, что, возможно, завалил экзамен.

У Бобра отвисла челюсть.

– Ты думаешь, что завалил? Ты думаешь, что...

– Я пойду приму душ, ладно?

– Да, конечно, Курт. Конечно. Это был твой последний экзамен.

– Да, это был мой последний экзамен, – эхом отозвался Гарриш.

Он пересек холл, толкнул дверь и стал подниматься по лестнице. Пахло там, как в мужской раздевалке. Сколько же лет ходили по этим ступеням! Его комната находилась на пятом этаже.

Куин и другой идиот с третьего этажа, с волосатыми ногами, протиснулись мимо него, перекидываясь футбольным мячом. Заморыш в очках в роговой оправе, еле волочащий ноги, попался ему между четвертым и пятым этажами. Учебник по алгебре он прижимал к груди, словно Библию, а губы его повторяли шепотом логарифмы. Глаза парня были пусты, как чисто вымытая классная доска.

Гарриш остановился и посмотрел ему вслед, гадая, а не показалась бы этому убогому смерть благом, но, пока он раздумывал, заморыш уже скрылся из виду. Гарриш поднялся на пятый этаж и направился к своей комнате. Свин уехал два дня назад. Четыре экзамена за три дня, пам-бам, мерси, мадам. Свин знал, как ухватить жизнь за шкуру. От него остались только фотографии красоток, два вонючих носка от разных пар да керамическая пародия на «Мыслителя» Родена, сидевшего, по воле подражателя гению, на унитазе.

Гарриш вставил ключ в замочную скважину.

– Курт! Эй, Курт!

Роллингс, тупорылый старший по этажу, который отправил Джимми Броуди к декану за пьянку, махал ему рукой с лестничной площадки. Высокий, хорошо сложенный, с короткой стрижкой.

– Ну как, развязался? – спросил Роллингс.

– Да.

– Не забудь подмести пол и составить список разбитого и неработающего, ладно?

– Сделаем.

– Бланк я подсунул тебе под дверь в прошлый вторник, не так ли?

– Было дело.

- Если меня в комнате не будет, подсунешь заполненный бланк и ключ мне под дверь, хорошо?

- Обязательно.

Роллингс схватил его за руку и дважды тряхнул. Рука у Роллингса была сухая, кожа - шершавая. Гарриш словно провел ладонью по рассыпанной по столу соли.

- Веселого тебе лета, парень.

- Спасибо.

- Только не перетрудись.

- Ладно.

- Поработать можно, но главное - не перетрудиться.

- Буду иметь в виду.

Роллингс окинул Гарриша взглядом, рассмеялся.

- Тогда счастливо тебе.

Он хлопнул Гарриша по плечу и двинулся дальше, задержавшись у комнаты Рона Фрейна, чтобы сказать тому, что стерео надо приглушить. Гарриш представил себе мертвого Роллингса, лежащего в канаве. По его глазам ползали мухи. Роллингса это не волновало. Мух - тоже. Или ты ешь мир, или мир ест тебя, третьего не дано.

Гарриш постоял, пока Роллингс не скрылся из виду, потом вошел в комнату.

Со Свином пропал и сопутствующий ему бардак, так что комната выглядела пустой и стерильной. От груды вещей на кровати Свина остался один матрац. А со стены лыбились две двухмерные красотишки с разворотов «Плейбоя».

А вот половина комнаты, которую занимал Гарриш, совсем не изменилась, там всегда поддерживался казарменный порядок. Если б кто бросил четвертак на его кровать, он отскочил бы от натянутого одеяла. Такая аккуратность просто бесила Свина. Он защищался по английскому языку и литературе, и с чувством слова у него все было в порядке. Гарриша он называл бюрократом. Пустую стену за кроватью Гарриша украшал лишь постер Хамфри Богарта, который он купил в книжном магазине колледжа. Боджи, в подтяжках, держал в каждой руке по автоматическому пистолету. Свин еще заявил, что пистолеты и подтяжки – символы импотенции. Гарриш сомневался, что Боджи – импотент, хотя ничего о нем и не читал.

Он подошел к стенному шкафу, открыл дверцу, достал карабин («магнум», калибр 352) с прикладом из орехового дерева, подаренный ему на Рождество отцом, методистским священником. Телескопический прицел к карабину Гарриш купил сам, в марте.

Действующие в колледже инструкции не допускали хранения оружия, даже охотничьих карабинов, в комнатах общежития, но контролировались они не очень жестко. Вот и Гарриш забрал карабин из камеры хранения днем раньше, самолично расписавшись на бланке-разрешении на выдачу оружия. Карабин он уложил в водонепроницаемый чехол и спрятал в лесу за футбольным полем. А в три часа утра сходил за ним и принес в свою комнату. Благо все спали и его никто не заметил.

Гарриш посидел на кровати, положив карабин на колени, поплакал. «Мыслитель» смотрел на него с туалетного сиденья. Гарриш положил карабин на кровать, поднялся, подошел к столу Свина, взял керамическую статуэтку и хряпнул об пол. И тут же в дверь постучали.

Гарриш спрятал карабин под кровать.

– Входите.

Вошел Бейли, в одних трусах. Из пупка торчала вата. Вот уж у кого не было будущего. Женится Бейли на глупой женщине, народятся у них глупые дети. А потом он умрет от рака или инфаркта.

– Как химия, Курт?

- Нормально.

- Слушай, а конспекты не одолжишь? У меня экзамен завтра.

- Сжег их сегодня утром.

- Ну надо же! Господи, это проделки Свины? - Он указал на остатки «Мыслителя».

- Наверное.

- Зачем он это сделал? Мне нравилась эта вещица. Я собирался купить ее у него. - Острыми чертами лица Бейли напоминал Гарришу крысу. А трусы у него были старые, заштопанные. Гарриш легко представил его умирающим от эмфиземы в кислородной палатке. Пожелтевшего. Я мог бы избавить тебя от мук, подумал Гарриш.

- Как ты думаешь, он не будет возражать, если я позаимствую этих крошек?

- Пожалуй, что нет.

- Хорошо. - Бейли пересек комнату, осторожно переступая босыми ногами через осколки, снял плейбойских девочек. - И Богарт у тебя отличный. Пусть без буферов, но все равно есть на что посмотреть. Понимаешь? - Бейли уставился на Гарриша, ожидая, что тот улыбнется, а когда его надежды не оправдались, добавил: - Как я понимаю, выкидывать этот постер ты не собираешься?

- Нет. Я собираюсь принять душ.

- Конечно, конечно. Веселого тебе лета, на случай если больше не увидимся, Курт.

- Спасибо.

Бейли двинулся к двери, трусы свободно болтались на тощей заднице. Остановился, взявшись за ручку.

– Еще один семестр позади, Курт?

– Похоже на то.

– Отлично. Увидимся осенью.

Бейли вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Гарриш посидел на кровати, потом достал карабин, разобрал, почистил. Приложился глазом к дулу, посмотрел на световую точку в дальнем конце. Ствол чист. Собрал карабин.

В третьем ящике комода лежали три тяжелые коробки с патронами. Гарриш положил их на подоконник. Запер дверь, вернулся к окну, поднял жалюзи.

Залитую солнцем зеленую лужайку оккупировали студенты. Куин и его идиот приятель гоняли мяч, носились взад-вперед как заведенные, словно муравьи перед замурованной норой.

– Вот что я тебе скажу, – обратился Гарриш к Боджи. – Бог разозлился на Каина, потому что Каин почему-то принимал Бога за вегетарианца. Его брат знал, что это не так. Бог сотворил мир по Своему образу и подобию, и, если ты не можешь съесть мир, мир сожрет тебя. Вот Каин и спрашивает у брата: «Почему ты мне этого не сказал?» А брат отвечает: «А почему ты не слушал?» И Каин говорит: «Ладно, теперь слушаю». А потом как звезданет братца и добавляет: «Эй, Бог! Хочешь мяса? Давай сюда! Тебе вырезку, или ребрышки, или авельбургер?» Вот тут Бог и прогнал его. И... что ты думаешь по этому поводу?

Боджи ничего не ответил.

Гарриш поднял раму, уперся локтями в подоконник, так, чтобы ствол «магнума» не высывался из окна и не блестел на солнце. Прильнул к окуляру телескопического прицела.

Повел карабином в сторону женского общежития «Карлтон мемориэл», больше известного среди студентов как «Собачья конура». Поймал в перекрестье большой «форд-пикап». Аппетитная студентка-блондинка в джинсах и голубеньком топике о чем-то разговаривала с матерью. Отец, краснорожий, лысеющий, укладывал чемоданы на заднее сиденье.

Кто-то постучал в дверь.

Гарриш замер.

Стук повторился.

– Курт? Может, поменяешь на что-нибудь плакат Богарта?

Бейли.

Гарриш промолчал. Девушка и мать над чем-то смеялись, не подозревая о микробах, живущих в их внутренностях, паразитирующих в них, плодящихся. Отец девушки присоединился к ним, и теперь они стояли втроем, залитые солнечным светом, семейный портрет в перекрестье.

– Черт побери, – донеслось из-за двери. Послышались удаляющиеся шаги.

Гарриш нажал на спусковой крючок.

Приклад ударил в плечо, сильный, тупой толчок, какой бывает, когда затыльник установлен как должно. Улыбающуюся головку блондинки как ветром сдуло.

Мать какое-то мгновение еще продолжала улыбаться, потом ее рука поднялась ко рту. Она закричала, не убирая руки. В нее Гарриш и выстрелил. И кисть, и голова исчезли в красном потоке. Мужчина, который засовывал чемоданы на заднее сиденье, попытался убежать.

Гарриш прикончил его выстрелом в спину. Поднял голову, оторвавшись от прицела. Куин держал в руках мяч и смотрел на мозги блондинки, заляпавшие знак СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА. Тело лежало под знаком. Куин не шевелился. Замерли все, кто находился на лужайке, словно дети, игравшие в колдунчиков.

Внезапно кто-то забарабанил в дверь, начал дергать за ручку. Опять Бейли.

– Курт? С тобой все в порядке, Курт? По-моему, кто-то...

– Хороша вода, хороша еда, велик наш Бог, не упусти кусок! – проорал Гарриш и выстрелил в Куина. Дернул спусковой крючок, вместо того чтобы плавно потянуть, и не попал. Куин уже бежал. Невелика беда. Следующий выстрел достал Куина в шею, и тот пролетел футов двадцать.

– Курт Гарриш застрелился! – раздался за дверью вопль Бейли. – Роллингс! Роллингс! Скорее сюда!

Его шаги замерли в конце коридора.

Теперь побежали все. Гарриш слышал их крики, слышал звук шагов по дорожкам.

Он взглянул на Боджи. Боджи сжимал в руках пистолеты и смотрел вверх него. Он взглянул на осколки «Мыслителя» Свина и подумал, чем занят сейчас Свин: спит, сидит перед телевизором или ест что-нибудь вкусненькое? Ешь мир, Свинья, подумал Гарриш. Заглатывай его целиком, без остатка.

– Гарриш! – Теперь в дверь барабанил Роллингс. – Открывай, Гарриш!

– Дверь заперта! – пискнул Бейли. – Он так хреново выглядел, он застрелился, я знаю.

Гарриш вновь выставил ствол карабина в окно. Парень в цветастой рубашке прятался за кустом, тревожно оглядывая окна общаги. Он хотел бы убежать, Гарриш это видел, да ноги не слушались.

– Велик наш Бог, не упусти кусок, – пробормотал Гарриш, нажимая на спусковой крючок.

Короткая дорога миссис Тодд

[2 - Mrs Todd's Shortcut. © Stephen King, 1984. © 1997. А.И. Корженевский.
Перевод с английского.]

– Вон поехала жена Тодда, – сказал я.

Хоумер Бакланд посмотрел на движущийся мимо маленький «ягуар» и кивнул. Женщина помахала ему рукой. Хоумер снова кивнул большой косматой головой, но рукой в ответ не махнул. У семьи Тоддов был большой летний дом на берегу Касл-Лейк, и он присматривал за ним с незапамятных времен. У меня создалось впечатление, что ко второй жене Уэр-та Тодда Хоумер относится настолько же неприязненно, насколько хорошо он относился к его первой жене, Офелии Тодд.

Этот разговор произошел два года назад. Мы сидели на скамейке перед магазином «Беллс»: я с апельсиновой газировкой, Хоумер со стаканом минеральной воды. В октябре в Касл-Роке спокойно. Кое-где в коттеджах на берегу озера по выходным еще бывают люди, но агрессивная, хмельная летняя круговерть к этому времени уже заканчивается. Охотники же с их большими ружьями и дорогими лицензиями, приколотыми к оранжевым шапкам, приезжают обычно позже. Урожай почти везде уже убран. Ночами бывает прохладно, и от этого хорошо спится, а мои старые суставы в октябре еще не ноют. Небо над озером в это время более или менее чистое, с медленно ползущими большими белыми облаками. Мне всегда нравилось, что они такие плоские снизу и серые, словно предзакатная тень. Я могу долго смотреть, как солнце отражается в водах озера, и это никогда мне не надоедает. Именно в октябре, сидя на скамейке перед «Беллс» и глядя на далекое озеро, я чаще всего жалею, что мне уже нельзя курить.

– Она гоняет не так быстро, как Офелия, – сказал Хоумер. – Меня всегда удивляло, что у женщины, которая действительно умеет выжать из машины столько, сколько она, такое старомодное имя.

Люди вроде Тоддов, те, что приезжают на лето, на самом деле интересуют нас, постоянных жителей городков штата Мэн, гораздо меньше, чем они думают. Постоянные жители предпочитают свои собственные истории о любви и ненависти, свои скандалы и слухи о скандалах. Когда тот тип, что разбогател на текстиле, застрелился, Эстонию Корбридж с ее рассказом о том, как она нашла его и как он все еще сжимал пистолет в коченеющей руке, приглашали на ленчи всего неделю или около того. Зато о Джо Камбере, которого загрызла его же собственная собака, люди говорят до сих пор.

Но это не важно. Просто мы с ними бежим по разным дорожкам. Летние приезжие, они – рысаки, а мы – те, кто не тянет лямку и не надрывается,

иноходцы. Но даже при всем при этом местных сильно всколыхнуло, когда в 1973 году Офелия Тодд исчезла. Женщина она была по-настоящему милая и много сделала для нашего городка. Офелия собирала средства для библиотеки, помогала приводить в порядок военный мемориал и все такое.

Правда, летние все любят сборы средств. Стоит упомянуть про сбор денег, как у них загораются и начинают блестеть глаза. Они создают комитет, назначают секретаря и составляют повестку дня. Им это нравится. Но попробуйте вы упомянуть время (если это не время, потраченное на большое шумное собрание, заседание комитета попеременно с коктейлями), и у вас ничего не выйдет. Ценнее времени для них, похоже, ничего нет. Они его экономят, и, я думаю, если бы можно было его консервировать в банках, они бы и этим занялись. Офелия, однако, никогда не жалела своего времени: она не только собирала деньги для библиотеки, но еще и дежурила там. Когда понадобилось драить и чистить военный мемориал, Офелия в халате и с убранными под платок волосами оказалась среди местных женщин, чьи сыновья погибли в трех различных войнах. А когда надо было возить детей на занятия плаванием, вы не реже других могли видеть ее за рулем большого сверкающего пикапа Уэрта Тодда с полным кузовом ребятишек. Хорошая женщина. Не наша, но хорошая. И когда она исчезла, люди заволновались. Хотя горевать никто, пожалуй, не горевал, потому что исчезновение и смерть – вещи разные: когда кто-то умирает – это как отрублено топором, а тут скорее похоже на то, как утекает вода в раковину, но так медленно, что ты понимаешь это, когда только все утекло.

– «Мерседес» она водила, – произнес Хоумер, словно отвечая на вопрос, которого я не задавал. – Двухместную спортивную. Тодд его купил для нее году в шестьдесят четвертом или шестьдесят пятом. Помнишь, она возила ребятишек все эти годы, пока у них были занятия? Эти «Лягушки и головастики»?

– Угу.

– Она никогда не выжимала с ними больше сорока, поскольку ребятишки сидели в кузове. Но медленная езда ее всегда раздражала. Про таких говорят «свинцовая нога и подшипник в пятке».

Раньше Хоумер никогда не рассказывал про «своих» летних людей. Но потом умерла его жена. Пять лет назад это случилось. Она перепахивала крутой склон, и трактор опрокинулся вместе с ней. Хоумер тяжело переносил утрату. Года два он горевал, но потом вроде немного отошел. Хотя прежним уже не стал. Похоже

было, что он ждал чего-то, ждал своего часа. Проходишь в сумерках мимо его аккуратного маленького дома, а он сидит на веранде весь в дыму, стакан минеральной стоит на перилах, в глазах отражается закатное солнце, и подумашь – я по крайней мере всегда думал – Хоумер ждет своего часа. Меня это беспокоило гораздо больше, чем я хотел себе признаться. В конце концов я решил, что на его месте я не стал бы ждать чего-то, словно напяливший костюм и наконец-то завязавший правильно галстук жених, который сидит теперь на краю постели в своей комнате на втором этаже и глядит то на себя в зеркало, то на часы над камином, дожидаясь одиннадцати, когда его должны женить. На его месте я не стал бы ждать своего часа, я ждал бы последнего часа.

Но в течение этого периода выжидания, который закончился, когда Хоумер годом позже уехал в Вермонт, он иногда рассказывал о Тоддах. Мне и еще нескольким людям.

– Насколько я знаю, она даже с мужем никогда не ездила быстро. Но когда с ней сидел я, «мерседес» у нее разве что не взлетал.

В этот момент кто-то подъехал к колонке и начал заправлять бак. На машине стоял номерной знак штата Массачусетс.

– Эти новые спортивные машины, которые жгут дорожный бензин и подпрыгивают каждый раз, когда ты нажмешь на газ, совсем не то. У нее был старый «мерседес» со спидометром, прокалброванным аж до ста шестидесяти, странного коричневого оттенка. Я как-то спросил у нее, как называется такой цвет, и она сказала, что это «шампань». «Блеск!» – отреагировал я, и она смеялась тогда до упаду. Мне, знаешь, нравятся женщины, которые смеются, когда им не надо объяснять, где смеяться.

Человек у колонки заправил машину.

– Добрый день, джентльмены, – сказал он, приближаясь к ступенькам.

– Добрый день, – ответил я, и он зашел в магазин.

– Офелия всегда искала, где срезать дорогу, – продолжал Хоумер, как будто нас и не прерывали. – Она просто помешалась на коротких дорогах. Я, признаться, никогда этого не понимал. Но она говорила, что сэкономить расстояние – это все

равно что сэкономить время. Говорила, что по этому закону жил ее отец. Он был коммивояжером, всегда в пути. Когда ей удавалось, она отпраивалась с ним, и он всегда искал короткие маршруты. У нее это тоже вошло в привычку. Я ее как-то спросил, не странно ли, что она сначала тратит время, отдраивая эту старую статую на площади, или возит малышей на занятия плаванием вместо того, чтобы купаться, играть в теннис и надираться, как все нормальные летние, а потом так заводится из-за возможности сэкономить пятнадцать минут по дороге отсюда до Фрайберга, что мысли об этом, возможно, не дают ей спать ночью? Мне казалось, что все это не очень вяжется друг с другом, если ты понимаешь, о чем я. Но она посмотрела на меня и сказала:

«Я люблю помогать кому-нибудь, Хоумер. И я люблю водить машину, по крайней мере когда для меня это вызов, но мне жаль времени, которое уходит на дорогу. Это как с одеждой, которую нужно починить: можно застрочить складку, а можно эту вещь просто отдать. Ты понимаешь?»

«Вроде бы да, миссус», – сказал я, все еще сомневаясь.

«Если бы я считала, что лучше, чем сидеть за рулем постоянно, ничего нет, я бы выбирала дороги подлиннее», – пояснила она, и мне стало так смешно, что я рассмеялся в голос.

Из магазина вышел приезжий из Массачусетса. В одной руке он держал упаковку с шестью банками пива, в другой – несколько лотерейных билетов.

– Удачного вам выходного, – сказал Хоумер.

– Они у меня всегда здесь удачные, – ответил приезжий. – Хотел бы я, чтобы мог позволить себе жить тут круглый год.

– Ну, мы тут постараемся сохранить все как есть до тех пор, когда вам это удастся, – сказал Хоумер, и приезжий рассмеялся.

Когда он отъезжал, я снова обратил внимание на массачусетский номерной знак. Зеленый знак. Моя Марсия говорила, что такие выдаются Массачусетским бюро регистрации тем водителям, у которых за два года не было ни одного дорожного происшествия в этом странном, озлобленном, раздраженном штате. Если же что-то случалось, то выдавали красные, чтобы люди видели вас на дороге и вели

себя осторожно.

– Знаешь, они были из нашего штата, оба, – сказал Хоумер, словно отъехавшая машина из Массачусетса напомнила ему об этом.

– Знаю, похоже.

– Тодды – единственные, пожалуй, наши птицы, которые зимой улетают на север. Эта, новая – она, я думаю, не особенно любит туда летать.

Он отхлебнул минеральной и замолчал, задумавшись.

– Офелия, однако, не возражала, – продолжал Хоумер. – Я по крайней мере думаю, что не возражала, хотя иногда она по этому поводу жаловалась. Вроде как объясняла, почему она все время ищет дороги покороче.

– Ты хочешь сказать, что ее муж не возражал, когда она таскалась по всем этим просекам отсюда до Бангора только для того, чтобы узнать, где тут можно срезать девять десятых мили?

– Ему было наплевать, – коротко ответил Хоумер, поднялся и пошел в магазин.

«Ну вот, Оуэнс, – сказал я себе, – знаешь ведь, что, когда он рассказывает, вопросов лучше не задавать, но все-таки взял и спросил и обломал историю, которая, кажется, неплохо складывалась».

Я продолжал сидеть, подставив лицо солнцу. Минут через десять Хоумер вышел, держа в руке вареное яйцо, сел и принялся есть. Я молчал. Вода в Касл-Лейк отсвечивала голубизной такой удивительной, словно это не вода вовсе, а что-то драгоценное. Хоумер доел яйцо, отхлебнул минеральной и продолжил рассказ. Я, конечно, удивился, но ничего не сказал: уж это было бы совсем глупо.

– Они держали несколько машин, – сказал он. – «Кадиллак», его грузовик и ее маленький чертенок «мерседес». Пару раз зимой он оставлял грузовик здесь, потому что они собирались приехать покататься на лыжах. Обычно же, когда лето кончалось, он брал «кадди», а она возвращалась на своем чертенке.

Я кивнул, по-прежнему не произнеся ни слова. По правде сказать, я боялся ляпнуть еще чего-нибудь, хотя позже понял, что в тот день, чтобы Хоумер Бакланд замолчал, его потребовалось бы перебивать очень часто. Ему, видимо, уже давно хотелось рассказать эту историю о короткой дороге миссис Тодд.

– В ее машине даже стоял специальный одомер, который показывал, сколько миль машина проехала. Отправляясь из Касл-Рока в Бангор, она каждый раз выставляла его на 000,0 и замеряла путь. Это было для нее чем-то вроде игры, и она меня порой подзуживала.

Хоумер замолчал, что-то обдумывая.

– Хотя, пожалуй, нет...

Он снова умолк, и на лбу у него появились тонкие морщинки, похожие на ступеньки.

– Офелия делала вид, что это для нее игра, но на самом деле она относилась к дороге очень серьезно. По крайней мере так же серьезно, как ко всему остальному. – Хоумер махнул рукой, и я думаю, он имел в виду ее мужа. – В ее машине в отделении для перчаток всегда лежало множество карт, и сзади, где у обычной машины второе сиденье, тоже валялись карты. Карты с заправочными станциями, страницы из дорожного атласа, несколько карт из путеводителя по Аппалачам и целая куча топографических планшетов. Я говорю, что она всерьез занималась этим делом, не потому что у нее было столько карт, а из-за того, как она все время вычерчивала в них свои маршруты, отмечая дороги, которыми уже ездила или пыталась проехать. Несколько раз она, случалось, застревала, и ей приходилось просить помощи у какого-нибудь фермера с трактором. Как-то раз я у них облицовывал плиткой ванную и просидел там целый день: раствор получился жидкий и лез изо всех щелей. Мне в ту ночь только и снились одни квадраты да щели, из которых сочится раствор. Так вот, я сижу работаю, а она остановилась в дверях и начала рассказывать. Я сначала подтрунивал над ней, но потом мне тоже вроде как стало интересно. Не только из-за того, что мой брат Франклин жил в пригороде Бангора и я ездил туда почти всеми теми дорогами, о которых она рассказывала. Мне стало интересно, потому что я из тех, кому обязательно нужно знать, где можно срезать, хотя я и не всегда, может быть, такой дорогой воспользуюсь. У тебя, наверно, тоже так?

– Угу, – сказал я.

Зная короткий путь, ты уже обладаешь какой-то силой, даже если ты специально поедешь дальней дорогой, потому что, например, знаешь: дома сидит теща. Уметь быстро добраться – это, может, и ни к чему вовсе, хотя вряд ли кто-нибудь из Массачусетса думает так же. Но знать, как быстро добраться, или даже знать, как добраться такой дорогой, которой человек, сидящий рядом с тобой, еще не ездил, – это сила...

– Дороги она знала, как бойскаут морские узлы, – сказал Хоумер и улыбнулся своей широкой солнечной улыбкой. – Она тогда сказала мне: «Я сейчас, через минуту...», совсем как девчонка, и я слышал, что она за стеной копается в столе. Потом вернулась со своей маленькой записной книжкой в руках. Знаешь, такая... со спиралью сбоку... По виду судить, так ее таскали с собой, наверно, лет сто: обложка вся затрепанная, странички выпадают...

«Уэрт ездит – да и все остальные ездят – по дороге номер 97 до Меканик-Фолс, потом по дороге номер 11 до Льюистона и оттуда по шоссе до Бангора. 156,4 мили».

Я кивнул.

«Если хочешь миновать дорожную заставу – и сэкономить расстояние – тогда нужно ехать до Меканик-Фолс, дорогой номер 11 до Льюистона, дорогой номер 202 до Огасты, потом дорогой номер 9 через Чайна-Лейк, Юнити и Хэвен до Бангора. Получится 144,9 мили».

«Так вы время не сэкономите, миссус, особенно если ехать через Огасту. Хотя, надо признать, маршрут по Олд-Дерри-роуд до Бангора очень неплох».

«Сэкономить расстояние – сэкономить время, – сказала она. – И я же не говорю, что поеду именно так, хотя несколько раз я так тоже ездила. Я просто перечисляю маршруты, которыми люди обычно пользуются. Продолжать?»

«Нет, уж лучше я пойду сидеть в этой чертовой ванной и пялиться на эти чертовы щели, пока совсем не рехнусь».

«Всего есть четыре главных маршрута, – сказала она. – По дороге номер 2 получается 163,4 мили. Я однажды пробовала – слишком долго».

«Вот таким маршрутом я и поехал бы, если б жена позвонила и сказала, что к ужину ничего не приготовила», – пробормотал я вполголоса.

«Что-что?»

«Нет, ничего, – сказал я. – Заговариваю раствор».

«Ладно. Четвертый маршрут – и о нем не многие знают, хотя там тоже неплохая дорога, по крайней мере асфальтированная – идет через Пик Пятнистой Птицы по дороге номер 219 с выездом на номер 202 уже за Льюистоном. Дальше дорогой номер 19 в объезд Огасты, потом Олд-Дерри-роуд. Всего 129,2 мили».

Я какое-то время молчал. Она, видимо, решила, что я ей не поверил, и добавила с вызовом: «Я знаю, в такое трудно поверить, но это действительно так». Я сказал, что, наверно, она права, и, подумав, решил, что так оно и есть. Потому что именно этой дорогой я ездил в Бангор навещать Франклина, когда тот еще был жив. С тех пор, однако, минуло несколько лет... Как ты думаешь, Дейв, может человек просто... забыть дорогу?

Я подумал и сказал, что такое бывает. Думать про хорошее шоссе труда не составляет. Через какое-то время оно просто оседает в памяти, и люди начинают думать не о том, как вообще добраться из одного места в другое, а о том, как добраться к выезду на шоссе, с которого можно быстрее попасть туда, куда нужно. Повсюду есть запущенные, заброшенные дороги. Дороги с каменистыми осыпями по сторонам, настоящие дороги, где по краям растет ежевика, которую некому есть, кроме птиц. Или карьеры, засыпанные гравием, со старыми, ржавыми, провисшими цепями перед въездом, заброшенные карьеры, поросшие травой, забытые, как старые детские игрушки. Забытые всеми, кроме людей, которые живут поблизости и думают только о том, как бы скорее выбраться оттуда на шоссе. У нас в штате Мэн любят шутить, что тут «не проедешь, не пройдешь», но, может быть, это не очень хорошая шутка. На самом деле всяких дорог здесь столько, что можно двигаться сотнями разных маршрутов. Просто никто не пробует.

Хоумер продолжал:

– Я довольно долго провозился с плиткой, сидя в этой маленькой, душной ванной, а она все это время стояла, скрестив ноги, в дверях – в шлепанцах на босу ногу, в юбке цвета хаки и чуть более темном свитере. Волосы она стянула «хвостом». Ей тогда было, пожалуй, тридцать четыре или тридцать пять, но лицо ее буквально светилось от того, что она мне рассказывала, и выглядела она, словно студентка, вернувшаяся домой на каникулы. Потом она, наверно, поняла, что уже долго стоит тут, молотит языком, и спросила, не надоела ли она мне.

«Да, мэ, – ответил я. – Ведь я всегда предпочитал общаться только с плиткой и раствором».

«Не остри, Хоумер», – сказала она.

«Нет, мэ, вы мне нисколько не надоели», – ответил я еще раз.

Она улыбулась и принялась снова листать свою маленькую книжечку, словно разъезжий торговец, проверяющий заказы. Вдобавок к тем четырем основным маршрутам – на самом деле трем, поскольку дорогу номер 2 она оставила в покое после первого же раза – у нее было описано штук сорок разных вариантов, сочетаний основных маршрутов и множества всяких других дорог. Дороги с государственными номерами и без, дороги с названиями и какие-то безымянные просеки... У меня голова пошла кругом. Потом она наконец спросила:

«Хочешь, я расскажу про мой рекордный маршрут, Хоумер?»

«Пожалуй», – ответил я.

«Это пока самый мой рекордный маршрут, – продолжила она. – Ты знаешь, Хоумер, что в 1923 году в «Сай-енс тудей» появилась статья, автор которой доказывал, что ни один человек не в состоянии пробежать милю быстрее чем за четыре минуты? Он доказал это с помощью всяческих вычислений, основанных на данных о максимальной длине мускулов на ногах человека, максимальном объеме легких, максимальной скорости работы сердца и еще бог знает чего. Меня эта статья просто захватила. Настолько захватила, что я отдала ее Уэрту и попросила передать профессору Мюррею с кафедры математики университета штата Мэн. Я хотела, чтобы эти выкладки проверили. Я была убеждена, что они

либо исходят из ошибочных постулатов, либо еще что-нибудь. Уэрт, наверно, решил, что я веду себя глупо – как он говорит: «Офелия вбила себе в голову...» – но он все-таки согласился. Профессор Мюррей проверил выкладки довольно тщательно, и знаешь, что, Хоумер?»

«Нет, миссус».

«Цифры оказались правильными. Все, что автор постулировал, тоже. Еще в 1923 году он доказал, что человек не может пробежать милю быстрее чем за четыре минуты. Он доказал это. Но люди бегают быстрее, и ты знаешь, что это означает?»

«Нет, миссус», – ответил я, хотя уже начинал догадываться.

«Это означает, что ни один рекорд не вечен, – сказала она. – Когда-нибудь – если до тех пор мы не разнесем планету вдребезги – кто-нибудь пробежит милю на Олимпийских играх за две минуты. Это может случиться через сто лет или через тысячу, но обязательно случится. Потому что нет предельных рекордов. Есть ноль, есть бесконечность, есть смерть, но нет ничего предельного».

Она стояла совсем рядом. Чистое, холеное, сияющее лицо. Волосы стянуты назад. Всем своим видом она словно говорила: «Только попробуй не согласиться!» И я, конечно, не мог не согласиться. Потому что думаю примерно так же. Это нечто вроде того, что имеют в виду священники, когда говорят о благодати, разумея изящество и совершенство.

«Так ты хочешь, чтобы я рассказала про мой пока самый рекордный маршрут?» – спросила она.

Я сказал, что хочу, и даже перестал ляпать раствор на стену. Все равно я уже добрался до ванны, и мне остались одни только эти маленькие чертовы уголки. Она глубоко вздохнула и начала говорить быстро-быстро, как тот аукционер в Гейтс-Фолс, когда ему случалось перебраться. Я не помню все точно, но что-то в таком вот духе...

Хоумер Бакланд закрыл на секунду глаза. Руки его лежали на коленях совершенно неподвижно. Потом он поднял веки, и мне вдруг показалось, что он на какой-то миг стал вдруг похож на нее. Клянусь. Семидесятилетний старик

стал похож на тридцатичетырехлетнюю женщину, похожую в такой же момент в свое время на двадцатилетнюю студентку, и из того, что он мне сказал, я тоже помню не больше, чем запомнил он, когда говорила Офелия. Не потому, что это было так сложно, а потому, что он меня так поразил своим видом, когда повторял ее слова:

– Нужно выезжать на дорогу номер 97, затем свернуть на Дентон-стрит до дороги к старой городской управе. Так ты объедешь пригороды Касл-Рока, но снова окажешься на дороге номер 97. Через девять миль можно срезать по старой просеке и через полторы мили оказаться на городской дороге номер 6, которая у мельницы выйдет на Биг-Андерсен-роуд. Там есть проезд, который старики называют Медвежьей тропой, и через него можно выехать на 219-й маршрут. А как только ты вылетаешь на другую сторону Пика Пятнистой Птицы, дуешь по Стэн-хаус-роуд и сворачиваешь налево по Булл-Пайн-роуд. Там есть болотистые участки, но их легко проскочить, если хорошо разогнаться по гравию. Оттуда выезжаешь на дорогу номер 106. Она идет прямо через плантации к Олд-Дерри-роуд, и есть еще две или три лесные просеки, по которым можно выскочить на дорогу номер 3 сразу за больницей в Дерри. Оттуда всего четыре мили до дороги номер 2 в Энте, и ты уже в Бангоре.

Она остановилась перевести дух и посмотрела на меня.

«Знаешь, сколько все это получается в милях?»

«Нет, мэм». – Про себя я решил, что больше всего это похоже миль на 190 плюс четыре сломанные рессоры.

«116,4 мили», – сказала она.

Я рассмеялся. Смех у меня вырвался прежде, чем я успел подумать, что следовало бы мне помолчать, если я хочу дослушать историю до конца. Но Хоумер усмехнулся и кивнул.

– Вот-вот. И ты знаешь, Дейв, я ни с кем не люблю спорить. Но ладно, когда врут немного, а тут...

«Ты мне не веришь», – сказала она.

«В это трудно поверить, миссус».

«Пусть раствор отдыхает. Поехали, я тебе покажу. Там, за ванной, завтра доделаешь. Поехали, Хоумер. Уэрту я оставляю записку – он все равно сегодня к вечеру, может быть, не приедет, а своей жене ты можешь позвонить. Мы будем сидеть за обеденным столом в «Лоцман-Гриль» через... – она посмотрела на часы, – два часа сорок пять минут. И если я опоздаю хоть на минуту, я покупаю тебе бутылку ирландского виски. Мой отец был прав. Когда сэкономишь много миль, сэкономишь время, даже если для этого тебе придется пробираться через все лесные болота и канавы. Ну что скажешь?»

Она смотрела на меня своими карими глазами, светящимися, словно две лампы. Какой-то в них горел дьявольский огонь, а в улыбке на ее губах читалась та же самая бесшабашность. И скажу тебе, Дейв, мне очень хотелось поехать. Я бы даже не стал закрывать банку с раствором. Конечно, я не хотел вести эту дьявольскую машину: я бы просто сидел на втором сиденье и смотрел, как садится она. Юбка чуть сползает вверх, и она ее поправляет, а может быть, и нет. Волосы светятся...

Хоумер умолк и вдруг рассмеялся, сухо и саркастически. Этот смех напоминал выстрелы из ружья, заряженного солью.

– Позвонить Меган и сказать: «Ты помнишь Офелию Тодд, ту самую, из-за которой ты настолько извелась от ревности, что не можешь сказать о ней ни одного доброго слова? Так вот, мы с ней собрались рвануть на рекорд до Бангора в том самом ее «мерседесе» цвета «шампань». Ты уж меня к ужину не жди». Позвонить и сказать. Ну было бы дело! Ну было бы...

Он снова рассмеялся, держа руки по-прежнему на коленях, и на этот раз на лице его промелькнуло что-то вроде раздражения. Минуту спустя он взял с перил стакан с минеральной и отпил немного.

– Ты не поехал, – сказал я.

– В тот раз нет.

Он рассмеялся, но теперь смех его стал уже мягче.

– Она, должно быть, заметила что-то в моем лице, потому что вдруг как-то сразу снова стала сама собой. Перестала быть похожей на студентку и превратилась в Офелию Тодд. Потом взглянула в свою записную книжку, словно только что ее заметила, и положила рядом.

«Я бы с удовольствием, миссус, но мне надо закончить здесь, и потом жена готовит к ужину жареное мясо», – сказал я.

«Понимаю, Хоумер. Просто меня немного занесло. Со мной это частенько случается. Уэрт даже говорит, что постоянно. – Затем она вроде как выпрямилась и добавила: – Но предложение остается в силе. Так что я готова в любой момент. Поможешь в случае чего толкнуть машину, если мы где-нибудь застрянем. – Она рассмеялась. – Сэкономишь мне пять долларов».

«Я когда-нибудь вашим предложением воспользуюсь, миссус», – сказал я, и она поняла, что я сказал это серьезно, а не просто из вежливости.

«И прежде чем ты решишь, что сто шестнадцать миль до Бангора – цифра нереальная, возьми карту и проверь, сколько дотуда по прямой».

Я закончил с плиткой и отправился домой есть остатки вчерашнего ужина: никакого жареного мяса жена, разумеется, не готовила, и, я думаю, Офелия Тодд знала это. Когда Меган легла спать, я достал линейку, ручку, карту штата и занялся тем, что мне посоветовала Офелия. Все-таки как-то это меня захватило. Я прочертил прямую линию и подсчитал расстояние с учетом масштаба карты. Признаться, я был здорово удивлен. Потому что, если двигаться из Касл-Рока до Бангора по прямой, как летят птицы в ясный день – когда не нужно объезжать озера, огороженные участки леса, что принадлежат деревообрабатывающим компаниям, болота, когда можно пересекать реки там, где нет мостов, – получается, подумать только, всего семьдесят девять миль плюс-минус какая-то мелочь.

Я даже подпрыгнул на месте.

– Проверь сам, если не веришь, – сказал Хоумер. – Я, пока не убедился, тоже не думал, что штат Мэн так мал.

Хоумер отхлебнул еще минеральной и посмотрел на меня.

– Следующей весной Меган как раз уехала погостить к брату в Нью-Хэмпшир, а мне нужно было идти к дому Тоддов снимать зимние ставни и навешивать сетчатые экраны на окна и двери. Прихожу, а ее маленький «мерседес» уже там: Офелия приехала раньше мужа. Она подходит к дверям и говорит:

«Хоумер! Ты пришел навешивать экраны?»

А я возьми и ляпни:

«Нет, миссус, я пришел узнать, как насчет поездки в Бангор коротким маршрутом».

Она посмотрела на меня как-то невыразительно, и я уже подумал, что она забыла наш разговор. Чувствую, у меня лицо краснеет, знаешь, как вот когда ляпнешь что-нибудь не то. Собрался уже извиняться, но тут она улыбнулась той самой прежней улыбкой.

«Стой здесь, я сбегаю за ключами. И смотри не передумай!»

Через минуту она вернулась с ключами.

«Если мы застрянем, увидишь, где водятся комары размером со стрекозу».

«В Рэнгли, миссус, я видел комаров побольше воробья, – сказал я, – но, думаю, мы оба весим чуть-чуть больше, чем они могут с собой унести».

Она рассмеялась.

«Я тебя предупредила, Хоумер. Поехали!»

«Но если мы не доберемся до места через два часа сорок пять минут, – напомнил я, – вы собирались купить мне бутылку «Айриш Мист».

Водительская дверца была открыта. Офелия еще не успела сесть и одной ногой стояла на земле. Она посмотрела на меня, потом сказала:

«Хоумер, черт побери, это уже старый рекорд. Я нашла дорогу еще короче. Мы будем в Бангоре через два с половиной часа. Забирайся в машину. Едем!»

Хоумер снова замолчал. Руки его лежали на коленях неподвижно, глаза потускнели. Может быть, внутренним взором он опять видел этот двухместный «мерседес» цвета «шампань», стоящий на крутом въезде к участку Тоддов.

– Она остановила машину у дороги и спросила, не передумал ли я.

«Погнали», – сказал я.

Она вдавила педаль газа, и после этого я не очень хорошо помню, что происходило дальше. Прошло немного времени, и я уже просто не мог оторвать глаз от нее. Что-то в ее лице появилось такое странное, Дейв, что-то дикое, свободное, и я даже испугался. Она была невероятно красива, и я буквально влюбился в нее. Кто угодно влюбился бы, любой мужчина и, может быть, даже любая женщина, но все-таки я ее немного боялся, потому что выглядела она так, словно могла убить силой взгляда, если бы глаза ее оторвались от дороги и она вдруг посмотрела бы на тебя, отвечая тем же чувством. На ней были джинсы и старая белая рубашка с закатанными рукавами – я еще подумал, когда пришел: наверно, мол, собиралась красить что-нибудь на террасе, – но спустя какое-то время мне начало казаться, что она окутана в белые одежды, словно богиня из какой-то старой книги.

Хоумер задумался, глядя на озеро, и лицо его потемнело.

– Как та охотница, которая гоняла по небу луну...

– Диана?

– Угу. Только вместо луны у нее была машина. Офелия выглядела для меня именно так, и я клянусь тебе, меня словно молнией поразило – так я в нее влюбился. Но я боялся даже шевельнуться, хотя лет мне было тогда поменьше, чем сейчас. Я бы, наверно, не прикоснулся к ней, будь мне всего двадцать... хотя в шестнадцать лет я бы, наверно, осмелился. И умер бы, посмотри она на меня с тем же чувством во взгляде, что испытывал тогда я.

Она казалась мне той женщиной, что преследует луну по всему небу, перегнувшись через край колесницы... Белые невесомые одежды бьются на ветру серебряной паутиной, и волосы отброшены назад, а на висках видны маленькие темные ямочки... Она гонит лошадей и кричит, не обращая внимания на то, как они дышат: «Быстрее! Быстрее! Быстрее!»

Мы ехали какими-то лесными дорогами, и первые две или три я еще знал, но потом пошли совсем незнакомые. Надо полагать, все эти леса никогда не видели подобного зрелища: кроме грузовиков и снегоходов, туда никто, наверно, и не забирался. Ее маленький «мерседес» гораздо уместнее выглядел бы где-нибудь на бульваре, а не в лесу, где он пулей неся мимо деревьев, разбрызгивая из-под колес грязь, взбираясь на холмы, срываясь в лощины, пронизывая пыльные зеленые полосы прорывающегося сквозь кроны послеполуденного света. Верх машины Офелия откинула назад, и я ощущал запахи леса – старые, удивительные запахи чего-то забытого и нетронутого. Когда мы пролетали по уложенным кем-то в болотистых местах гатям, между бревнами сочилась черная грязь, и Офелия смеялась, как ребенок. Кое-где стволы совсем сгнили, потому что на некоторых из этих дорог люди – кроме Офелии, конечно, – не появлялись лет пять или десять. Мы были там одни, нас никто не видел – только птицы и какие-нибудь, может, звери. Кроме звука нашего мотора, то низко ревущего, то снова высокого, когда Офелия дергала ручку переключения передач, я не слышал ничего. И хотя я знал, что где-то недалеко есть люди – в наши дни уже не осталось совсем глухих мест, – мне начало казаться, будто мы провалились во времени и вокруг действительно никого, как если бы мы остановились и я влез на дерево, но увидел, что во все стороны только лес, лес и лес. А Офелия улыбалась и продолжала гнать машину; волосы ее развевались на ветру, глаза блестели. Мы вылетели на дорогу у Пика Пятнистой Птицы, и я понял, где мы, но она свернула, и сначала мне еще казалось, что я узнаю места, но потом я и думать про это забыл. Мы ехали по каким-то лесным просекам и вдруг выскочили, клянусь, на отличную мощеную дорогу с указателем «Автострада Б». Ты когда-нибудь слышал про дорогу в штате Мэн, которая называется «Автострада Б»?

– Нет, – ответил я. – По названию это что-то британское.

– Угу. И по виду тоже. Над дорогой всюду нависали кроны деревьев, что-то вроде ив. Офелия еще сказала: «Здесь осторожнее, Хоумер. Месяц назад одно из них чуть не выдернуло меня из машины. Веткой так хлестнуло, что остался ожог». Я сначала ее не понял и хотел уже переспросить, но тут заметил, что, хотя ветра и

не было, ветви деревьев раскачиваются и пригибаются вниз. Внутри ветвей за зеленью угадывалось что-то черное и мокрое. Я глазам своим не верил, но потом одна из веток сорвала с меня кепку, и я понял, что мне это не снится.

«Эй, – крикнул я, – ну-ка отдай!»

«Поздно теперь, Хоумер, – сказала Офелия, смеясь. – Скоро выскочим на свет. Все в порядке».

Но тут еще одна ветка дернулась вниз, на этот раз с другой стороны, и попыталась ее схватить. Клянусь тебе. Офелия пригнулась, но ветка успела вцепиться ей в волосы и выдрала целый клочок.

«У-у-у, больно!» – вскрикнула Офелия, но тут же засмеялась.

Машину чуть повело, когда она пригнулась, и я мельком увидел, что там творится в лесу. Боже правый, Дейв! Там все шевелилось, словно живое. Трава колыхалась, узловатые сросшиеся стволы будто корчили рожи. И я заметил какую-то тварь, сидящую на пне. Очень похожую на древесную лягушку, но только ростом с большого кота.

Потом мы выскочили из полумрака на вершину холма, и она сказала: «Ну как? Впечатляет?», словно мы всего лишь заглянули в «Дом с привидениями» на Фрайбургской ярмарке.

Минут через пять она свернула на еще одну лесную дорогу. Можешь поверить, мне уже лесных дорог было достаточно, но оказалось, что это обычная старая дорога. Спустя полчаса мы подъехали к стоянке у «Лоцман-Гриль» в Бангоре. Офелия ткнула пальцем в одомер и сказала:

«Взгляни, Хоумер».

Прибор показывал 111,6 мили.

«Ну как? Теперь ты поверил в мой короткий маршрут?»

Этот странный безудержный настрой почти оставил ее, и она снова превращалась в Офелию Тодд. Но оставил еще не совсем: она выглядела, как две женщины одновременно... Диана и Офелия. И та часть, которая была Дианой, настолько овладела ею, когда она вела машину по лесным дорогам, что сама Офелия и понятия не имела, по каким местам пролегал этот короткий маршрут. По местам, которых нет ни на одной карте штата Мэн, нет даже на тех топографических планшетах.

«Что ты думаешь о моей короткой дороге, Хоумер?» – снова спросила она.

Тут я, не подумав, ляпнул нечто такое, что в другое время при леди вроде Офелии Тодд сказать бы постеснялся. Она рассмеялась от души, и тогда только до меня дошло: она не заметила по пути ничего необычного. Ни ветку ивы, которая сорвала с меня кепку (хотя это была и не ива вовсе, а вообще неизвестно что), ни указателя «Автострада Б», ни эту мерзкую тварь, похожую на лягушку. Ничего этого она не помнила! Или мне приснилось, что все это было, или ей приснилось, что ничего не было. Точно я знал только, что мы проехали сто одиннадцать миль и оказались в Бангоре. Тут уж сомневаться не приходилось: цифры стояли в окошечке одометра, как говорится, черным по белому.

«Хотела бы я хоть раз вытащить на эту дорогу Уэр-та, – сказала она, – но его из наезженной колеи можно выбить только взрывом, и то, наверно, для этого потребуется баллистическая ракета, потому что он в своей колее и бомбоубежище построил. Ладно, Хоумер, пошли затолкаем внутрь чего-нибудь съедобного».

Обед она мне устроила будь здоров, Дейв, но я почти не мог есть. Я все время думал о том, как мы поедем назад, потому что уже начинало темнеть. Посреди обеда Офелия извинилась и пошла звонить, потом вернулась и спросила меня, не отгоню ли я «мерседес» в Касл-Рок. Сказала, что разговаривала с какой-то женщиной, с которой они состояли в одном школьном комитете, и им что-то там надо обсудить. Сказала, что возьмет машину напрокат, если Уэрт не сможет захватить ее по дороге.

«Ты не сильно боишься возвращаться в темноте?» – спросила она меня и поглядела с такой знающей улыбкой. Я сразу понял, что она все-таки кое-что помнит. Бог знает, сколько она помнила, но, видимо, достаточно, чтобы понимать, как мало мне хочется ехать ее маршрутом в темноте, да и днем

тоже... Хотя по блеску в глазах я догадывался, что ее-то подобная поездка совсем не пугает.

Я сказал, что не боюсь, и к концу обеда настроение у меня улучшилось. Когда мы закончили, уже стемнело. Мы доехали с ней до дома той женщины. Офелия вышла из машины и с тем же самым блеском в глазах спросила:

«Ты уверен, что не хочешь меня подождать, Хоумер? Сегодня я заметила еще пару ответвлений дороги, и, хотя их нет на картах, я думаю, там несколько миль можно срезать».

«Я бы подождал, миссус, но в моем возрасте лучше всего спится в своей постели. Я отгоню машину, и на ней не прибавится ни одной вмятины, хотя, думаю, миль на счетчике набегит побольше, чем у вас».

Она рассмеялась, мягко так, и поцеловала меня. Наверно, это был самый лучший поцелуй за всю мою жизнь, Дейв. Она меня в щеку поцеловала, сдержанно, как целуют замужние женщины, но... Это как зрелый персик или как цветок из тех, что раскрываются ночью, и, когда ее губы коснулись моей щеки, я почувствовал себя... Я даже не знаю точно, как я себя почувствовал, потому что нельзя передать словами все то, что случилось с тобой, когда ты, например, был с молодой девушкой и мир был еще молод... нельзя рассказать, что ты чувствовал... Кажется, я опять говорю вокруг да около, но, думаю, ты меня понимаешь. Эти вещи отпечатываются в памяти красной краской, и сквозь них трудно что-то разобрать.

«Ты очень хороший человек, Хоумер, и я тебя люблю за то, что ты слушал меня и согласился со мной поехать, – сказала она. – Осторожнее на дороге».

Потом она отправилась к той женщине, а я поехал домой.

– Какой дорогой? – спросил я.

– По шоссе, дурная голова. – Хоумер мягко рассмеялся. Я никогда раньше не замечал у него на лице столько маленьких морщинок. Он поглядел на небо и снова заговорил:

– Потом пришло лето, когда она исчезла. Я не часто ее видел... В то лето был пожар, помнишь? Потом бурей повалило много деревьев. В общем, работы хватало. Время от времени я думал о ней, и о том дне, и о том поцелуе, но мне уже начало казаться, что все это случилось во сне. Как один раз, когда мне было лет шестнадцать и я ни о чем не думал, кроме девчонок. Я тогда перепахивал западное поле Джорджа Баскомба, то самое, что у озера, напротив горы, и думал, о чем обычно думают подростки. Потом бороной вывернуло из земли камень, он раскололся, и из него потекла кровь. По крайней мере мне показалось, что из него течет кровь: что-то красное сочилось из трещины прямо на землю. Я никогда никому об этом не рассказывал, кроме матери. Она посоветовала мне помолиться, что я и сделал, но это ничего не прояснило, и спустя какое-то время мне начало казаться, что все это сон. Так иногда бывает. В жизни полно таких вот прорех, Дейв. Ты знаешь?

– Знаю, – сказал я, вспоминая одну ночь, когда я тоже видел нечто подобное. Это случилось в 1959 году. Плохой был год, но мои ребяташки не знали, что это плохой год, и хотели есть, как всегда. На дальнем поле Генри Брюггера я заметил несколько белохвостых оленей и как-то в августе отправился туда, как стемнело, с фонарем. Летом, когда они жирные, можно подстрелить сразу двух: второй обязательно вернется, приносившаяся, к первому, словно спрашивая: «Что случилось? Неужели уже осень?», и подстрелить его при этом не труднее, чем сбить кеглю. Мяса будет достаточно, чтобы ребяташкам хватило недель на шесть, а остатки можно закопать. Охотникам в ноябре этих двух оленей, конечно, уже не видать, но детям тоже нужно есть. Как сказал тот, из Массачусетса, он бы хотел позволить себе жить тут круглый год, и в ответ я могу сказать только, что за эту привилегию иногда приходится расплачиваться, когда стемнеет. Короче, в тот раз я увидел, что в небе светится что-то большое и оранжевое. Оно опускалось все ниже и ниже, а я стоял и смотрел: челюсть у меня отвисла аж до груди. Потом эта штука плюхнулась в озеро, и, наверно, на целую минуту все озеро залило странным фиолетово-оранжевым сиянием, которое, казалось, поднималось лучами до самого неба. Никто мне об этом не рассказывал, и я тоже никому не говорил, отчасти потому, что боялся насмешек, но еще и потому, что кто-нибудь мог спросить, какого черта я делал ночью на чужом поле. А после, как и в случае с Хоумером, мне начало казаться, что это сон, но никакого такого глубокого смысла я в нем не видел. Как лунный свет: проку от него в хозяйстве никакого, а значит, и нечего волноваться. День все равно наступит.

– В жизни полно таких вот прорех, – повторил Хоумер, выпрямляясь, и вид у него стал какой-то немного ненормальный. – Прямо на пути. Не слева, не справа, где

ты замечаешь что-то периферийным зрением и можешь сказать: «Померещилось». Нет. Прямо на пути, и ты их обходишь, словно яму на дороге, где можно сломать ось. А потом про это забываешь. Или вот когда пашешь... Можно распахать какую-нибудь каверну. Но если это трещина в земле, где кроется, словно в пещере, тьма, ты сам себе говоришь: «Сворачивай, старик. Не трогай это дело. Вот здесь слева в самый раз будет обойти». Потому что тебе ни пещеры не нужны, ни всякие там научные восторги, тебе просто нужно пахать. Но прорех таких в жизни полно...

После он долго молчал, и я его не дергал. Не хотелось. Спустя какое-то время он заговорил сам:

– Она исчезла в августе. В то лето я ее первый раз увидел в начале июля, и выглядела она тогда... – Хоумер повернулся ко мне и, выделяя каждое слово, произнес: – Дейв Оуэнс, она выглядела просто бесподобно! Чувствовалась в ней какая-то стремительность, необузданность. Все эти маленькие морщинки вокруг глаз, что я начал уже замечать, куда-то пропали. Уэрт Тодд уехал на какую-то конференцию в Бостон или еще что. Она вышла на балкон – я по пояс голый работал неподалеку – и сказала:

«Хоумер, ты ни за что мне не поверишь».

«Не поверю, миссус, но постараюсь», – ответил я.

«Я нашла две новые дороги и в последний раз добралась до Бангора, проехав всего шестьдесят семь миль».

Я вспомнил, что она говорила мне раньше, и сказал:

«Это невозможно, миссус. Прошу прощения, но я сам измерял расстояние по карте. До Бангора по прямой семьдесят девять миль».

Она рассмеялась и стала еще лучше. Словно богиня в лучах солнца... Знаешь, как в книжке, где только зеленые холмы с фонтанами и все очень хорошо.

«Верно. А еще невозможно пробежать милю меньше чем за четыре минуты. Это было доказано математически».

«Тут разные вещи».

«Это одно и то же, – сказала она. – Сложи карту и посмотри, сколько получится миль, Хоумер. Сложишь поменьше, получится немножко меньше, чем по прямой; сложишь сильно, будет намного меньше».

Мне вспомнилась тогда наша поездка, но вспомнилась так, как, бывает, вспоминаются сны.

«Миссус, вы можете сложить карту, потому что она из бумаги, но нельзя сложить землю. Или по крайней мере не стоит пробовать. Не стоит в это дело лезть».

«Ну нет уж, – сказала она. – Это дело я ни за что не оставлю, потому что здесь что-то есть, потому что это мое».

Три недели спустя – примерно за пару недель до того, как Офелия исчезла, – она позвонила мне из Бангора.

«Уэрт отправился в Нью-Йорк, а я скоро буду в Касл-Роке, – сказала она. – Я куда-то подевала ключи, Хоумер. Открой, пожалуйста, к моему приезду дверь, а то я не попаду в дом».

Позвонила она часов в восемь, как раз уже начинало темнеть. Я перед выходом съел сэндвич с пивом, потратил на это минут двадцать. Потом поехал. Короче, минут через сорок пять оказался на месте, но, подъезжая, увидел, что в окне продуктовой кладовки горит свет. Я точно помнил, что в последний раз все выключал, и так засмотрелся на это светлое окно, что чуть не врезался в ее «мерседес». Он стоял немного боком, как, бывает, ставят машину пьяные, и весь до стекол был заляпан грязью. А вместе с грязью на машину налипло, как мне сначала показалось, что-то похожее на водоросли, но потом я увидел, как эта дрянь шевелится. Я остановился рядом и выбрался из машины. Конечно, это были не водоросли, а какие-то лесные растения, но они действительно шевелились, медленно так, лениво, словно умирали. Я коснулся одного отростка, и он тут же попытался обвить мою руку. Мерзкое ощущение. Я отдернул руку, вытер о штаны и обошел машину спереди. Выглядела она так, словно ее миль девяносто гнали по болоту. Устало выглядела, я бы сказал. На ветровом стекле налипло множество всяких насекомых, но я за всю свою жизнь не видел ничего

подобного. Например, мотылек размером с воробья: он все еще подергивал крыльями, но уже еле-еле. Потом еще твари, похожие на комаров, но я разглядел, что у них настоящие большие глаза, и мне даже показалось, что они меня замечают. Я слышал, как, умирая и стараясь за что-нибудь зацепиться, скребутся эти самые растения. У меня в голове только и вертелось: «Где она, черт побери, побывала? И как она добралась сюда меньше чем за три четверти часа?» Потом я увидел еще кое-что. На радиаторной решетке повисло какое-то наполовину раздавленное животное, прямо под эмблемой «мерседеса». Видел – круг, а внутри такая штука вроде звезды? Обычно животные, что погибают на дорогах, остаются под машиной, потому что, когда их сбивают, они прижимаются к земле, надеясь, что машина проедет над ними и ничего с ними не случится. Но иногда, бывает, какой-нибудь зверь вдруг прыгает не в сторону, а прямо на машину, словно для того, чтобы хоть раз, но успеть вцепиться зубами в эту чертову громадину, которая собирается его убить. Я сам такое видел. И вот эта тварь, видимо, сделала то же самое. Вида она была такого жуткого, что вполне бы, наверно, прыгнула и на танк, и выглядела как помесь сурка с горностаем, но там еще всякой всячины добавилось, и я даже не хотел на нее смотреть. Буквально глаза болели, Дейв, с души воротило. Шкура вся выпачкана в крови, когти торчат, как у кошки, только длиннее. Большие желтоватые глаза, уже помутневшие. И зубы. Длинные тонкие иглы, почти как штопальные. Зубами тварь впилась в решетку: именно поэтому она еще и держалась, потому что повисла, вцепившись зубами. Я только взглянул на нее и понял, что в ней полно яду, как у гремучей змеи. Эта тварь прыгнула, когда увидела, что ее вот-вот задавят, и хотела убить своим ядом машину. И будь я проклят, если я собирался снимать ее с радиатора, потому что у меня все руки были в порезах от сена: если бы хоть капля этого яда попала в порез, я бы тут же отдал концы.

Потом я подошел к водительской дверце и открыл ее. Внутри вспыхнул свет, и я взглянул на одометр, который Офелия специально поставила для таких вот поездок. Он показывал 31,6 мили.

Я довольно долго смотрел на эти цифры, потом пошел к двери позади дома. Офелия взломала экран и выбила стекло около замка, чтобы открыть дверь. Там же я нашел и записку: «Дорогой Хоумер, я добралась раньше, чем рассчитывала. Нашла новую короткую дорогу. Бесподобно! Тебя еще не было, и я забралась в дом, как грабительница. Уэрт приезжает послезавтра. Успеешь ли ты починить экран и перестеклить дверь? Я на тебя рассчитываю. Уэрта подобные вещи всегда беспокоят. Если я не выйду поздороваться, значит, я уснула. Я здорово устала с дороги, но зато времени потратила всего ничего. Офелия».

Устала! Я еще раз взглянул на это страшилище, что висело на радиаторе, и подумал: «Да уж, тут устанешь... Боже правый!»

Хоумер замолчал и взволнованно щелкнул пальцами.

– После этого случая я ее видел только один раз. Примерно через неделю. Уэрт уже приехал, но он тогда ушел плавать на озеро. Плавал туда-обратно, туда-обратно, словно пилил дрова или подписывал бумаги. Скорее подписывал бумаги.

«Миссус, – сказал я ей, – это, конечно, не мое дело, но вам следует все это оставить. В тот вечер, когда вы разбили стекло в двери, я видел какую-то тварь, повисшую на радиаторе...»

«А, сурка? Я его убрала».

«Боже! Надеюсь, вы действовали осторожно?»

«Я надела садовые перчатки Уэрта, – сказала она. – Ничего особенного, Хоумер, просто сурок-переросток, немного ядовитый».

«Но, миссус, там, где водятся сурки, бывают и медведи. И если сурки на этой короткой дороге выглядят вот так, то что будет, когда вам встретится медведь?»

Она посмотрела на меня, и я сначала увидел в ней ту, другую женщину, Диану.

«Если там, на этих дорогах, все по-другому, то я тоже, может быть, стала другой. Взгляни».

Волосы ее были собраны сзади в пучок и заколоты похожей на бабочку булавкой со шпилькой. Она убрала заколку и распустила их. Такие волосы любого мужчину, наверно, могут заставить задуматься о том, как они выглядят, рассыпанные на подушке.

«У меня уже начала появляться седина, Хоумер. Но сейчас ты видишь хоть один седой волос?» – спросила она и расправила волосы пальцами, чтобы на них

падал солнечный свет.

«Нет, мэм», – ответил я.

Она посмотрела на меня смеющимися глазами и сказала:

«Твоя жена – хорошая женщина, Хоумер Бакланд, но мы встречались в магазине и на почте, и я видела, как она смотрит на мою прическу. С удовлетворением. Это только женщины понимают. И я знаю, что она говорит своим подругам... Офелия Тодд начала красить волосы. Но я этого не делала. Несколько раз, когда я искала, где еще срезать, я теряла дорогу и потеряла седину». – Она рассмеялась даже не как студентка, а как школьница. Я восхищался ею, и ее красота влекла меня, но одновременно я видел в ее лице ту, другую красоту и снова начинал бояться. И ее, и за нее.

«Миссус, – сказал я, – вы можете потерять гораздо больше, чем несколько седых волос».

«Нет. Я же говорю тебе, там я совсем другая. Я там настоящая. Когда я еду по дороге в своей маленькой машине, я совсем не Офелия Тодд, жена Уэрта Тодда, которая ни разу в жизни не смогла доносить ребенка до срока, и не та женщина, которая когда-то пыталась писать стихи, но поняла, что неспособна, и совсем не та, что сидит на собраниях комитетов и делает в своем блокноте какие-то пометки, и никакая другая. Когда я на той дороге, я живу в своем сердце и чувствую себя словно...»

«Диана», – сказал я.

Она посмотрела на меня как-то странно и немного удивленно, потом рассмеялась.

«Да, наверно, словно какая-то богиня. Диана, может быть, подойдет лучше всего, потому что мне хорошо ночью – я люблю читать, пока не кончится книга или пока по телевизору не заиграет национальный гимн – и потому что я бледная, как луна. Уэрт все время говорит, что мне нужно или принимать что-нибудь тонизирующее, или проверить кровь, или еще какую-нибудь ерунду в таком же духе. Но я думаю, в глубине души каждая женщина хочет быть какой-нибудь богиней. Мужчины чувствуют эхо этого желания и пытаются ставить их

на пьедесталы, но они чувствуют совсем не то, чего хотят женщины. Женщина хочет быть свободной. Стоять, если хочется, или идти... – Офелия взглянула в сторону машины, стоящей в подъездной аллее, и ее глаза сузились. Потом она улыбнулась. – Или вести машину, Хоумер. Мужчины этого не видят. Они думают, богине хочется валяться где-нибудь на склоне у подножия Олимпа и есть фрукты, но в этом нет ничего божественного. Женщина хочет того же, чего хочет мужчина: женщина хочет вести».

«Тогда будьте осторожны, миссус», – сказал я.

Она рассмеялась и чмокнула меня прямо в лоб.

«Буду, Хоумер», – сказала она, но я понимал, что это ничего не значит, потому что сказала она это, как мужчина, который обещает жене или своей девушке вести себя осторожно, когда знает, что не будет или не сможет.

Я отправился к своей машине и помахал ей рукой. Через неделю Уэрт заявил, что она исчезла. Она и эта ее маленькая машина. Тодд подождал семь лет и в соответствии с законом объявил ее умершей. Потом для приличия подождал еще год – надо отдать ему должное – и женился на второй миссус Тодд, той самой, которая только что проехала. И я не думаю, что ты поверил хотя бы одному моему слову...

Большое плоское снизу облако отодвинулось в сторону, и стало видно призрак луны – бледную, как молоко, ее половину. Что-то при виде этого зрелища вздрогнуло у меня в душе, наполовину от испуга, наполовину от любви.

– Поверил, – сказал я. – Каждому, черт бы тебя драл, твоему слову. Даже если ты наврал, эта история слишком хороша и просто должна быть правдой.

Он по-дружески обнял меня за шею (мужчинам ничего больше не остается, поскольку целоваться в этом мире позволено только женщинам), рассмеялся и встал.

– Даже если и не должна, это все равно правда, – сказал он, потом достал из кармана часы. – Мне надо проверить дом Скоттов. Пойдешь со мной?

– Я, пожалуй, посижу тут, – ответил я, – и подумаю.

Хоумер двинулся к лестнице, потом обернулся и взглянул на меня с полуулыбкой на губах.

– Видимо, Офелия была права, – сказал он. – Она действительно становилась другой на этих дорогах, которые она находила... Там ничто бы не осмелилось ее тронуть. Тебя или меня – может быть, но не ее. И я думаю, она сейчас очень молода.

Он сел в свою машину и отправился проверять дом Скоттов.

Было это два года назад. Позже Хоумер уехал в Вермонт, но, кажется, я об этом уже говорил. Однажды вечером он заехал меня навестить. Выбритый, причесанный, и пахло от него каким-то хорошим лосьоном. Лицо чистое, глаза живые. В тот вечер он выглядел на шестьдесят вместо своих семидесяти. Я обрадовался за него, позавидовал и даже немножко возненавидел. Артрит в нашем возрасте – страшное дело, но тогда мне показалось, что Хоумера он совсем не беспокоит, чего про себя я сказать не мог.

– Я уезжаю, – сказал он.

– Да?

– Да.

– Ладно. Почту тебе куда-нибудь пересылать?

– Не хочу никакой почты, – сказал Хоумер. – Мои счета оплачены. Обрубаю все концы.

– Тогда оставь мне свой адрес. Буду время от времени тебе писать, старик. – Я уже чувствовал, как меня, словно плащом, накрывает одиночество, и, глядя на него, я понял, что здесь не все так, как мне вначале показалось.

– Адреса еще нет, – ответил он.

– Ладно. Ты действительно уезжаешь в Вермонт?

– Для тех, кому будет интересно, это сойдет.

Сначала я не решался, но потом все же спросил:

– Как она сейчас выглядит?

– Как Диана, – ответил он. – Но она добрее.

– Я завидую тебе, Хоумер, – сказал я, и сказал тогда чистую правду.

Я остановился в дверях. Наступили сумерки, какие бывают в середине лета, когда поля заполняются ароматом цветов. Полная луна пробилась на озере серебряную дорожку. Хоумер прошел к крыльцу и спустился по ступеням. На мягкой обочине дороги его ждала машина. Двигатель работал вхолостую, но тяжело. Так работают двигатели у старых машин, которые, однако, все еще носятся по дорогам во весь опор. Выглядела она немного потрепанной, но явно еще могла многое. Хоумер остановился у последней ступеньки и что-то поднял с земли: оказалось, это его канистра на десять галлонов бензина. Потом он подошел к машине. Офелия наклонилась и открыла дверцу. Включился свет, и на мгновение я увидел ее: длинные рыжие волосы, обрамляющие лицо, яркий, сияющий, словно лампа, лоб. Словно луна. Хоумер сел в машину, и они уехали. Я стоял на крыльце и долго смотрел, как мелькают в темноте, становясь все меньше и меньше, удаляющиеся красные огни маленького «мерседеса». Сначала словно гаснущие угли, потом как светлячки, а потом они исчезли совсем.

«Вермонт», – говорю я нашим городским, и они верят, поскольку большинству из них что-нибудь дальше Вермонта и представить-то трудно. Иногда я сам в это верю, особенно когда сильно устаю. А иногда думаю о них. Весь тот октябрь я их вспоминал, потому что как раз в октябре люди думают о далеких местах и ведущих туда дорогах. Я сижу на скамейке перед «Беллс» и думаю о Хоумере Бакланде и той красивой девушке, что наклонилась открыть ему дверцу, когда он подошел к машине с полной канистрой бензина в правой руке. Она выглядела не старше шестнадцати лет, словно девчонка с учебными водительскими правами, и красоты была действительно убийственной. Но я думаю, теперь эта красота не смертельна для мужчины, на которого она обращена: на мгновение ее глаза остановились, вспыхнув, на мне, и я остался жив, хотя какая-то часть

моей души умерла у ее ног.

Олимп, наверное, сушая радость для глаз и для сердца, и есть такие, кто хочет туда и кто, может быть, попадает, но я знаю Касл-Рок как свои пять пальцев и никогда бы не поменял его ни на какие дороги. В октябре небо над озером, конечно, не самое лучшее, но все же более или менее чистое, с медленно ползущими большими белыми облаками. Я сижу на скамейке и думаю об Офелии Тодд и Хоумере Бакланде. Не то чтобы мне хотелось оказаться там же, где и они, но в такие минуты я всегда жалею, что мне уже нельзя курить.

Долгий джонт

[3 - The Jaunt. © Stephen King, 1981. © 1997. А.И. Корженевский. Перевод с английского.]

– Заканчивается регистрация на джонт-рейс номер 701. – Приятный женский голос эхом прокатился через Голубой зал нью-йоркского вокзала Порт-Осорити. Вокзал почти не изменился за последние три сотни лет, оставаясь по-прежнему обшарпанным и немного пугающим. Записанный на пленку приятный женский голос, служивший, наверно, самой привлекательной его чертой, продолжал: – Джонт-рейс до Уайтхед-Сити, планета Марс. Всем пассажирам с билетами необходимо пройти в спальную галерею Голубого зала. Пожалуйста, убедитесь предварительно, что все ваши документы в порядке. Благодарим за внимание.

Спальная галерея на втором этаже в отличие от самого зала вовсе не выглядела обшарпанной: ковер серого цвета с перламутровым блеском от стены до стены, белые, как яичная скорлупа, стены с репродукциями приятных для глаз абстракций, мягкие, успокаивающие переливы света, сходящиеся в спираль на потолке. На одинаковом расстоянии друг от друга по десять в ряд размещались в галерее сто кушеток, между которыми двигались сотрудники джонт-службы. Пятеро стюардов развозили стаканы с молоком и тихо, подбадривающе переговаривались с пассажирами. Стоявший у входа рядом с вооруженным охранником дежурный проверял документы у запыхавшегося бизнесмена со сложным номером «Нью-Йорк-интер-таймс» под мышкой, который едва не опоздал на свой рейс. С противоположной стороны пол плавно спускался желобом в пять футов шириной и длиной футов в десять, уходящим в открытый

дверной проем, – вся конструкция немного напоминала детскую горку.

Семейство Оутсов расположилось на четырех стоящих рядом кушетках в дальнем конце галереи. Марк Оутс и его жена Мерилис по краям, дети между ними.

– Папа, а ты расскажешь нам про джонт? – спросил Рикки. – Ты обещал.

– Да, папа, ты обещал, – добавила Патриция и без всякой причины захихикала тоненьким голосом.

Бизнесмен мощного телосложения посмотрел в их сторону, затем снова вернулся к папке с бумагами. Он лежал на спине, сдвинув вместе ноги в начищенных до блеска ботинках. Со всех сторон доносились приглушенные звуки разговоров, шорохи, шелест одежды: пассажиры устраивались на своих местах.

Марк посмотрел на жену и подмигнул. Мерилис подмигнула в ответ, хотя волновалась она не меньше Патти. Что, по мнению Марка, было совершенно естественно: первый джонт в жизни для всех, кроме него. За последние шесть месяцев – с тех пор, как он получил уведомление от водоразведочной компании «Тексас уотер» о том, что его переводят в Уайтхед-Сити, – они с Мерилис множество раз обсуждали все плюсы и минусы переезда с семьей и в конце концов решили, что на те два года, которые Марку предстоит провести на Марсе, они переселятся в Уайтхед-Сити вместе. Сейчас же, глядя на бледное лицо Мерилис, Марк гадал, не сожалеет ли она о принятом решении.

Он взглянул на часы и увидел, что до джонта осталось еще около получаса: вполне достаточно, чтобы рассказать детям обещанную историю. Это, возможно, отвлечет их и успокоит. Может быть, даже успокоит Мерилис.

– Ладно, – сказал он.

Двенадцатилетний Рикки и девятилетняя Пат смотрели на него не отрываясь. Через два года, когда они вернутся на Землю, Рикки уже начнет засасывать трясина зрелости, а у Пат, наверное, появится грудь, и в это верилось с трудом. Дети будут учиться в крошечной школе в Уайтхед-Сити с сотней других детей инженеров и геологов компании, и не исключено, что через несколько месяцев

его сын уже отправится на геологическую экскурсию на Фобос. Трудно поверить, но это так.

«Как знать? – подумал Марк, усмехнувшись. – Может быть, это развеет и мое беспокойство тоже...»

– Насколько нам известно, – начал он, – джонт изобрели около трехсот двадцати лет назад, примерно в 1987 году. Сделал это человек по имени Виктор Карун. Открытие он совершил в ходе работы над частным исследовательским проектом, который финансировало правительство... и в конце концов правительство присвоило себе результаты его работы. Между правительством и нефтяными компаниями шла тогда настоящая война. Причиной же того, что мы не знаем точной даты открытия, является некоторая эксцентричность Каруна...

– Ты имеешь в виду, что он был сумасшедшим, папа? – спросил Рикки.

– «Эксцентричный» – значит «чуть-чуть сумасшедший», милый, – пояснила Мерилис и улыбнулась Марку, которому показалось, что она выглядит уже не так обеспокоенно.

– А-а-а...

– Короче, он довольно долго экспериментировал с новым процессом, прежде чем информировать правительство об открытии, – продолжил Марк, – и то сделал он это только потому, что у него кончились деньги и его не хотели больше финансировать.

В дальнем конце помещения бесшумно открылась дверь, и появились еще двое служащих, одетых в ярко-красные комбинезоны джонт-службы. Перед собой они катили столик на колесах; на столике лежал штуцер из нержавеющей стали, соединенный с резиновым шлангом. Марк знал, что под столиком, спрятанные от глаз пассажиров длинной скатертью, размещаются два баллона с газом. Сбоку на крючке висела сетка с сотней сменных масок. Не желая, чтобы его семья заметила представителей Леты раньше, чем будет необходимо, Марк продолжал говорить: если у него будет достаточно времени, чтобы рассказать историю до конца, они встретят их буквально с распростертыми объятиями. Когда узнают, что их ждет в противном случае.

– Вы, конечно, знаете, что джонт – это телепортация, ни больше ни меньше, – сказал он. – Иногда в колледжах преподаватели физики или химии называют его «процессом Каруна», но это не что иное, как телепортация. И именно Карун – если верить истории – дал этому процессу название «джонт». Он любил фантастику, и когда-то ему попался под руку роман Альфреда Бестера «Моя цель – звезды»: так вот этот Бестер заменил в романе слово «телепортация» словом «джонт». Только в его книге для того, чтобы джонтировать, достаточно было всего лишь подумать об этом, что на самом деле невозможно.

Один из служащих надел на штуцер маску и вручил ее пожилой женщине в дальнем конце комнаты. Она взяла маску, глубоко вдохнула и, обмякнув, тихо откинулась на кушетку. Юбка ее при этом чуть сползла вверх, обнажив дряблые ноги, испещренные варикозными венами. Один из сотрудников джонт-службы заботливо поправил юбку, а второй тем временем отсоединил использованную маску и прикрепил к штуцеру новую. Как пластиковые стаканы в мотелях... Марка беспокоила Патти, поскольку она все еще была возбуждена. Раньше ему приходилось видеть, как детей иногда удерживали на кушетках и как они, случалось, кричали, когда им подносили резиновую маску. Видимо, для ребенка такая реакция вполне естественна, но зрелище это не самое приятное, и ему не хотелось, чтобы подобное произошло с Патти. За Рика он почти не беспокоился.

– Думаю, с уверенностью можно сказать, что джонт открыли как раз тогда, когда он был жизненно необходим, – возобновил рассказ Марк, глядя на Рикки, потом перегнулся через него и взял дочь за руку. Пальцы ее сжались вокруг его пальцев с панической быстротой; маленькая ладошка чуть вспотела и казалась холодной. – Во всем мире кончалась нефть, а та, что еще оставалась, принадлежала живущим в ближневосточных странах людям, которые пользовались этой ситуацией как политическим оружием. Они даже сформировали картель, называвшийся ОПЕК.

– Что такое «картель», папа? – спросила Патти.

– Ну, монополия, – ответила Мерилис. – И вступить в этот клуб могли только те, у кого было много нефти.

– А-а-а.

– У нас, наверно, нет времени, чтобы подробно разбирать всю эту кашу, – сказал Марк, – кое-что вы будете проходить в школе, а пока можете поверить мне на слово: в мире творился тогда страшный беспорядок. Если человек покупал машину, он мог ездить на ней только два дня в неделю, а бензин стоил пятнадцать старых долларов за галлон.

– Ого! – воскликнул Рикки. – Сейчас он стоит около четырех центов, да, папа?

Марк улыбнулся.

– Именно поэтому мы и отправляемся на Марс, Рик. На Марсе нефти столько, что ее хватит почти на восемь тысяч лет, а на Венере – еще на двадцать тысяч. Но сейчас нефть даже не так важна. Сейчас людям больше всего нужна...

– Вода! – выкрикнула Патти. Расположившийся неподалеку бизнесмен оторвался от бумаг и посмотрел на нее с улыбкой.

– Верно, – сказал Марк, – потому что за период между 1960 годом и 2030-м мы отравили почти всю нашу воду. Первая операция по переброске воды с марсианских полярных льдов называлась...

– Операция «Соломинка», – ответил на этот раз Рикки.

– Да. Это случилось году в 2045-м. Но задолго до того джонтирование использовали для переброски чистой воды здесь, на Земле. А теперь вода составляет основу марсианского экспорта. Нефть играет уже второстепенную роль. Хотя раньше она считалась очень важным продуктом.

Дети закивали.

– На Марсе всегда хватало и того, и другого, но заполучить марсианскую воду и нефть мы смогли только после того, как появился джонт-процесс. Когда Карун сделал свое открытие, мир уже начинал сползать к новым темным векам. За год до открытия, зимой, только в одних Соединенных Штатах замерзло около десяти тысяч человек, потому что в стране не хватало энергии для обогрева домов.

– Ого. – Патти восприняла цифру довольно спокойно.

Марк посмотрел направо и заметил, как служащие уговаривают какого-то мужчину, по виду застенчивого и неуверенного в себе. Спустя какое-то время он все-таки согласился взять маску и секундой позже упал на кушетку словно мертвый. «Первый раз, – подумал Марк. – Это всегда заметно».

– Для Каруна все началось с карандаша, ключей, наручных часов и нескольких мышей. И именно мыши указали ему на главную проблему.

Виктор Карун вернулся в лабораторию, пошатываясь от охватившего его возбуждения. В его представлении, именно так чувствовали себя Морзе, Александр Белл, Эдисон... Но то, что сделал он, превосходило их достижения во много раз, и по дороге из зоомагазина в Нью-Палтц, где он, потратив свои последние двадцать долларов, купил девять белых мышей, Карун чуть не врезался в столб. Осталось у него всего лишь девяносто три цента в правом кармане и восемнадцать долларов на счету в банке, но он об этом даже не думал. Впрочем, если бы и подумал, это вряд ли бы его беспокоило.

Его лаборатория размещалась в переоборудованном сарае в конце отрезка грунтовой дороги длиной в милю, уходящего в сторону от шоссе номер 26. Второй раз он чуть не врезался как раз у поворота на грунтовую дорогу. Бензина в баке осталось на донышке, а следующей заправки Карун мог ждать только дней через десять, может быть, через две недели, однако это его тоже не беспокоило: мысли его крутились лихорадочным водоворотом вокруг совсем другого. То, что произошло, не было в общем-то неожиданностью. Отчасти правительство и финансировало его работу (правда, в объеме жалких двадцати тысяч в год), потому что область физики, занимающаяся передачей на расстояние элементарных частиц, сулила какие-то смутные нераскрытые возможности.

Но началось все неожиданно, без предупреждения... И главное, электричества процесс потреблял меньше, чем цветной телевизор. Боже правый!..

Он с визгом шин остановил машину во дворе, схватил за ручку коробку, стоящую на грязном сиденье (на разрисованной собаками, кошками, хомяками и золотыми рыбками коробке стояла надпись: «Мы из зоомагазина «Стакполс»»), и бегом бросился к дверям лаборатории. Из коробки доносились шорохи возни его подопытных животных.

Карун попытался оттолкнуть одну из створок двери по направляющим и, когда она не подалась, вспомнил, что сам запер дверь перед уходом. Выругавшись, он полез за ключами. По контракту с правительством дверь его лаборатории должна была запирается постоянно – одно из условий, под выполнение которых он получал деньги, – но он нередко об этом забывал.

Наконец он достал ключи и на мгновение застыл словно загипнотизированный, машинально ощупывая большим пальцем бороздки на ключе зажигания от машины. «Боже правый!..» – снова пронеслось у него в голове, и он принялся лихорадочно перебирать связку ключей в поисках того, который отпирал дверь.

Телефонный аппарат впервые использовали в общем-то случайно. Белл закричал в него: «Уотсон, пойдите сюда!», когда опрокинул на бумагу и на себя пузырек с кислотой. И так же случайно произошел первый акт телепортации: Виктор Карун телепортировал на пятьдесят ярдов – как раз на длину сарая – свои два пальца.

Карун установил два портала в разных концах помещения. С его стороны размещалась несложная ионная пушка, которую можно приобрести в любом из магазинов электронного оборудования меньше чем за пятьдесят долларов. На другой стороне, сразу за вторым порталом – оба они были прямоугольные и размером не больше книги, – стояла камера Вильсона. Между ними висело нечто похожее на непрозрачную занавеску для душевой, хотя, конечно, никто не делает занавески для душевых из тонкого листового свинца. Идея заключалась в том, чтобы, пропуская ионный поток через первый портал, можно было наблюдать его прохождение в камере Вильсона, стоящей за вторым. Свинцовый же занавес гарантировал, что ионы действительно телепортируются. Правда, за последние два года сработала установка только дважды, и Карун не имел ни малейшего представления почему.

Устанавливая ионную пушку на место, он случайно просунул руку через первый портал. Ничего особенного в этом не было, но в то утро Карун задел бедром переключатель на панели управления сбоку от портала. Он даже не сразу заметил, что произошло, потому что аппаратура издавала едва слышное гудение, но потом почувствовал странное покалывание в пальцах.

«На действие тока это не походило, – писал Карун в своей первой и, поскольку правительство заставило его вскоре замолчать, единственной статье о новом открытии. Статья появилась, как ни странно, в «Популярной механике». Карун продал ее журналу за семьсот пятьдесят долларов в последней попытке

сохранить джонт для частного предпринимательства. – Никаких неприятных ощущений, возникающих, если схватиться, например, за провод от лампы, у которого обтрепалась изоляция, я не почувствовал. Больше всего это напоминало вибрацию маленького, но мощного механизма, вибрацию столь быструю и мелкую, что, приложив руку к такому механизму, человек ощущает лишь легкое покалывание. Я посмотрел на портал и увидел, что мой указательный палец будто срезало по диагонали во втором суставе, средний палец тоже, но немного повыше. Исчезла и часть ногтя на безымянном пальце».

Карун вскрикнул и инстинктивно отдернул руку, сбив локтем на пол ионную пушку. Позже он писал, что ожидал увидеть кровь и в первое мгновение ему даже показалось, что он действительно ее видит.

Какое-то время он просто стоял рядом с порталом, держа пальцы во рту, пока не убедился, что они все-таки целы и все на месте. Сначала ему пришло в голову, что он слишком много работал, но потом появилась новая мысль о том, что последняя серия модификаций в аппаратуре, пожалуй, могла что-то действительно изменить.

Однако пальцы он решил больше туда не совать. По правде говоря, Карун за всю свою последующую жизнь джонтировал только один раз.

Сначала он вообще ничего не делал, долго и бесцельно, слоняясь по сараю, ероша волосы руками и раздумывая, не позвонить ли Карсону в Нью-Джерси или, может быть, Баффингтону в Шарлотт. Карсон, конечно, не примет междугородный звонок за его счет, паразит дешевый, а вот Баффингтон, возможно, примет. Потом Каруна озарила новая идея, и он бросился ко второму portalу, надеясь, что, раз его пальцы действительно телепортировались через весь сарай, то там, может быть, остались какие-то следы.

Следов, разумеется, никаких не было. Второй портал стоял на трех поставленных друг на друга ящиках из-под апельсинов и больше всего напоминал игрушечную гильотину без лезвия. С одной стороны на металлической рамке размещалось гнездо штекера, провод от которого вел к передающему терминалу, а тот представлял собой преобразователь частиц в комплексе с компьютерным каналом...

Вспомнив о компьютере, Карун взглянул на часы и увидел, что уже четверть двенадцатого. По контракту с правительством, кроме жалких грошей, ему полагалось еще компьютерное время, что для Каруна обладало значительно большей ценностью. Но его время истекало в три после полудня, а потом – привет, до понедельника... Надо было двигаться, что-то делать...

«Я снова взглянул на сложенные друг на друга ящики, – писал Карун в своей статье для «Популярной механики», – потом посмотрел на свои пальцы. И конечно же, увидел доказательство. Я еще подумал тогда, что такое доказательство едва ли убедит кого-нибудь, кроме меня, но вначале надо убедить хотя бы себя».

– Что это было, папа? – спросил Рикки.

– Да, – добавила Патти. – Что?

Марк едва заметно улыбнулся. Они здорово увлеклись рассказом, даже Мерилис увлеклась. Они почти забыли, зачем они здесь. Краем глаза Марк заметил, как сотрудники джонт-службы медленно катят столик на резиновых колесиках между рядами кушеток, по очереди усыпляя пассажиров. Он давно заметил, что в гражданском секторе это всегда занимало больше времени: гражданские нервничали и капризничали. Резиновая маска слишком живо вызывала в памяти операционную в больнице, где за спиной анестезиолога с его набором газов и баллонами уже готовится к работе хирург. С пассажирами случались истерики, паника, и всегда находились двое-трое таких, у кого просто не выдерживали нервы. Разговаривая с детьми, Марк заметил, как двое мужчин поднялись с кушеток и без шума прошли к выходу. Там они отцепили от лацканов приколотые билеты, вернули их дежурному и, не оглядываясь, вышли. Сотрудникам джонт-службы строго-настрога запрещалось в таких случаях спорить и уговаривать пассажиров: в зале ожидания всегда находились желающие отправиться именно этим рейсом, иногда человек сорок-пятьдесят, которые продолжали надеяться вопреки здравому смыслу. Когда те, кто не сумел справиться с собой, уходили, в галерею просто приводили других пассажиров с документами, уже приколотыми к рубашкам.

– В указательном пальце Карун обнаружил две занозы, – сказал Марк детям. – Позже он их вытащил и отложил в сторону. Одна потерялась, зато вторую можно увидеть в новом корпусе Смитсоновского института в Вашингтоне. Она хранится в герметичном стеклянном футляре рядом с лунными камнями, которые

доставили первые космические путешественники, полетевшие на Луну.

- На нашу Луну или на одну из марсианских? - спросил Рикки.

- На нашу, - ответил Марк, улыбнувшись. - На Марсе побывал только один корабль с людьми - французская экспедиция, отправившаяся году в 2030-м. Короче, самая обычная старая заноза от ящика из-под апельсинов хранится в Смитсоновском институте, потому что она оказалась первым телепортированным, вернее, джонтированным предметом.

- А что случилось потом? - спросила Патти.

- Как утверждает история, Карун бросился...

Карун бросился к первому portalу и остановился там с бьющимся от волнения сердцем. «Необходимо успокоиться, - уговаривал он себя, переводя дух. - Надо все обдумать. Никакой пользы от спешки не будет...»

Нарочно не обращая внимания на неумное кричащее желание поторопиться и сделать что-нибудь, он достал из кармана ногтечистку и острым концом пилки вытащил занозы из указательного пальца. Карун положил их на белую обертку от шоколада, который он съел, пока ковырялся в преобразователе и пытался увеличить его мощность (что, очевидно, ему удалось, да еще так, как ему и в мечтах не могло привидеться). Одна заноза скатилась на пол и потерялась, зато вторая очутилась в Смитсоновском институте в стеклянном футляре, огороженном бархатными шнурами и находящемся под постоянным бдительным наблюдением телекамеры, подключенной к следящему компьютеру.

Покончив с занозами, Карун почувствовал себя немного спокойнее. «Карандаш, - решил он, - карандаш вполне подойдет». Достав с полки над головой карандаш, он медленно продвинул его через первый портал. Карандаш исчез постепенно, дюйм за дюймом, словно перед глазами Каруна совершался какой-то очень ловкий фокус. На одной из граней значилось: «ЭБЕР-ХАРД ФАБЕР № 2» - черные буквы, выдавленные на желтом фоне. Продвинув карандаш в портал и увидев, что от надписи осталось только «ЭБЕРХ», Карун обошел портал и взглянул на него с другой стороны.

Там он обнаружил аккуратный, словно обрубленный ножом срез карандаша. Карун пощупал пальцем то место, где должна была быть вторая половина карандаша, но там, разумеется, ничего не было. Он бросился ко второму portalу, расположенному в другом конце сарая, и там, на верхнем ящике из-под апельсинов, лежала эта вторая половина. Сердце его забилось так сильно, что казалось, его просто трясет что-то изнутри. Карун схватил за заточенный конец карандаш и вытянул его из портала.

Он поднял его поближе к глазам и внимательно разглядел, потом повернулся и написал на стене сарая «СРАБОТАЛО!», но так сильно надавил, что на восклицательном знаке грифель сломался. Карун пронзительно рассмеялся в пустом сарае. Рассмеялся так громко, что у самых стропил проснулись и заметались под крышей ласточки.

«Сработало! – закричал он, потом побежал к первому portalу, зажав в кулаке сломанный карандаш и размахивая руками. – Сработало! Сработало! Слышишь, Карсон, скотина?! Сработало, и ЭТО СДЕЛАЛ Я!»

– Марк, что ты такое говоришь при детях? – упрекнула его Мерилис.

Марк пожал плечами.

– Но он именно так и закричал.

– Ты мог бы его немного подредактировать.

Дети рассмеялись, и Марк обрадовался, заметив, что пронзительные нотки в смехе Патти исчезли. Мерилис не удержалась и рассмеялась тоже.

За карандашом последовали ключи: Карун просто швырнул их через портал. Он снова начал думать собранно, и ему пришло в голову, что необходимо проверить, воспроизводит ли процесс телепортации вещи такими же, какими они были раньше, или какие-то их свойства за время перехода изменяются.

На его глазах ключи исчезли в первом портале, и в тот же момент он услышал, как они звякнули, упав на ящик в другом конце сарая. Карун побежал туда, теперь уже медленнее, и по дороге отодвинул по направляющим в сторону

свинцовый занавес. Ни занавес, ни ионная пушка уже не были нужны. Что оказалось очень кстати, поскольку ионная пушка разбилась и починить ее не представлялось возможным.

Он схватил ключи и пошел к замку, который заставили его врезать правительственные чиновники. Ключ работал отлично. Потом он проверил ключ от дома. Тот тоже исправно открывал замок. И так же хорошо работали ключи от картотечного шкафа и от машины.

Карун сунул их в карман и снял с запястья часы. Модель «Сейко-кварц LC» со встроенным под циферблатом микрокалькулятором позволяла ему с помощью двадцати четырех кнопок производить все простые вычисления – от сложения до извлечения корней. Сложная игрушка и, что важно, с секундомером. Карун положил часы у первого портала и, протолкнув их карандашом, бросился в другой конец сарая. Когда он запикивал часы, они показывали 11.31.07. Теперь же на циферблате стояло 11.31.49. Очень хорошо. Сходится. Хотя, конечно, неплохо было бы иметь у второго портала ассистента, который подтвердил бы раз и навсегда, что на переход не затрачивается времени. Однако это не важно. Скоро правительство завалит его ассистентами...

Он проверил калькулятор. Два плюс два по-прежнему давало четыре, восемь, деленное на четыре, давало два, квадратный корень из одиннадцати по-прежнему равнялся 3,3166247... и так далее.

После этого Карун решил, что пришло время мышей.

– Что случилось с мышкой, папа? – спросил Рикки.

Марк на мгновение задумался. Здесь нужно будет проявить осторожность, если он не хочет напугать детей (и жену) перед самым первым джонтом. Главное – убедить их, что сейчас все в порядке и основная проблема уже давно решена.

– Тут у него возникли небольшие затруднения...

«Да. Ужас, безумие, смерть... Ничего себе небольшие затруднения...»

Карун поставил коробку с надписью «Мы из зоомагазина «Стакполс» на полку и взглянул на часы. Оказалось, он застегнул их вверх ногами. Он перевернул часы и увидел, что уже без четверти два. Компьютерного времени осталось всего час с четвертью. «Как быстро летит время, когда тебе не скучно», – подумал он и хихикнул.

Открыв коробку, он сунул туда руку и вытащил за хвост пищущую белую мышь. Посадил ее перед порталом и сказал: «Ну, вперед, мышь». Та шустро спустилась по стенке ящика из-под апельсинов, на котором стоял портал, и бросилась наутек. Ругаясь, Карун кинулся за ней и едва не накрыл ее ладонью, но в этот момент мышь шмыгнула в щель между досками и исчезла.

– ЗАРАЗА! – закричал Карун и побежал обратно к коробке. Успел как раз вовремя, чтобы столкнуть с края назад в коробку еще двух потенциальных беглянок. Затем он извлек вторую мышь, на этот раз ухватив ее за тельце (по профессии он был физиком и повадки мышей знал плохо), после чего захлопнул крышку коробки. Эту он просто бросил. Она вцепилась Каруну в ладонь, но не удержалась и полетела, кувыркаясь и болтая лапками, через портал. Тут же Карун услышал, как она приземлилась на ящике в другом конце сарая.

На этот раз, помня, с какой легкостью от него удрала первая мышь, он бросился туда бегом. Но оказалось, напрасно. Белая мышь сидела, поджав лапки; глаза ее помутнели; бока чуть заметно вздымались. Карун замедлил шаг и осторожно приблизился. Работать с белыми мышами ему почти не доводилось, но в данном случае, чтобы заметить, что с мышью что-то не так, многолетнего стажа не требовалось.

(«Мышка после перехода чувствовала себя не очень хорошо», – сказал Марк детям, широко улыбаясь, и только жена заметила, что улыбка его чуть-чуть натянута.)

Карун потрогал мышь пальцем. Если бы не вздымающиеся при дыхании бока, можно было бы подумать, что перед ним нечто неживое – набитое соломой или опилками, может быть. Мышь даже не взглянула на него: она смотрела только вперед. Он бросил через портал подвижного, очень шустрого и живого маленького зверька; теперь же перед ним лежало нечто похожее на восковую копию, в которой жизнь едва-едва теплилась.

Когда Карун щелкнул перед маленькими розовыми глазами мыши пальцами, она моргнула... и, повалившись на бок, умерла.

– Тогда Карун решил попробовать еще одну мышь, – сказал Марк.

– А что случилось с первой? – спросил Рикки.

Марк снова широко улыбнулся.

– Ее с почестями проводили на пенсию.

Карун отыскал бумажный пакет и положил туда мышь. Позже, вечером, он собирался взять ее к ветеринару Москони, чтобы тот произвел вскрытие и сказал ему, все ли у подопытного зверька в порядке внутри. Правительство, конечно, не одобрило бы, что он привлек частное лицо к исследованиям, на которые они, едва узнав о результатах, тут же навесили бы гриф строжайшей секретности. Но это уже их дело. Карун планировал держать Великого Белого Отца из Вашингтона в неведении как можно дольше. Не так уж сильно Великий Белый Отец ему помогал, поэтому он может и подождать. Ничего с ним не случится.

Затем Карун вспомнил, что Москони живет в другом конце Нью-Палтца, а бензина в машине не хватит и до центра города, не говоря уже об обратной дороге.

Часы показывали 2.03. Оставалось меньше часа компьютерного времени. О вскрытии можно будет подумать потом.

Карун соорудил небольшую горку, спускающуюся ко входу в первый портал. («Первая джонт-горка», – сказал Марк детям, и Патти, представив, видимо, себе горку для мышей, обрадованно засмеялась.) Он запустил туда новую мышь и закрыл выход книгой. Мышь потолкалась по углам, побродила немного, обнюхивая незнакомые предметы, потом двинулась к порталу и исчезла.

Карун побежал ко второму порталу.

На ящике лежала мертвая мышь.

Ни крови, ни распухших участков тела, что могло бы свидетельствовать о каких-то резких перепадах давления, от которых полопались бы внутренние органы, Карун не заметил. Возможно, кислородное голодание...

Опять же нет. Карун нетерпеливо покачал головой. Для перехода мыши требовалась всего лишь доля секунды: его собственные часы подтвердили, что времени на переход совсем не тратится или тратится, но чертовски мало.

Вторая белая мышь отправилась в тот же бумажный пакет, что и первая. Карун достал третью (четвертую, если считать счастливую беглянку, что уползла в щель) и отвлеченно подумал: «Что кончится раньше: компьютерное время или белые мыши?»

Эту, ухватив понадежнее пальцами за тельце, он сунул в портал хвостом вперед и увидел, что из второго портала появилась задняя половина мыши. Маленькие ножки лихорадочно скребли по грубой деревянной поверхности ящика.

Карун вытащил мышь из портала: никаких признаков кататонии. Она еще и укусила его до крови между большим и указательным пальцами. Карун торопливо бросил ее в коробку с надписью «Мы из зоомагазина «Стак-полс» и принялся дезинфицировать укус перекисью водорода из хранившейся в лаборатории аптечки первой помощи. Потом залепил укушенное место бактерицидным пластырем и, перерыв всю лабораторию, отыскал наконец толстые резиновые перчатки. Время убегало, убегало, убегало. Часы показывали 2.11.

Карун извлек из коробки еще одну мышь и сунул ее хвостом вперед в портал. Целиком. Затем поспешил ко второму portalу. Мышь прожила почти две минуты. Она даже пыталась бежать: шатаясь, сделала несколько шагов по ящику, упала на бок, с трудом поднялась, но так и осталась на месте. Карун щелкнул у нее над головой пальцами: мышь дернулась вперед, сделав еще, может быть, четыре шага, и опять повалилась на бок. Бока ее вздымались все медленнее, потом дыхание прекратилось, и мышь умерла. По спине у Каруна пробежали холодные мурашки.

Он достал еще одну мышь и сунул ее головой вперед, но только до половины. Из другого портала появилась голова и передняя часть маленького тельца. Карун осторожно разжал пальцы, приготовясь тут же схватить зверька, если тот

попытается улизнуть. Но мышь осталась на месте: половина ее – у одного портала, половина – у второго в другом конце сарая.

Карун перебежал ко второму portalу. Мышь еще была жива, но ее розовые глаза помутнели. Усы не шевелились. Обойдя портал, Карун увидел удивительное зрелище: перед ним оказался поперечный срез мыши (так случилось и с карандашом). Крохотный позвоночник животного оканчивался белыми концентрическими кружочками, кровь двигалась по сосудам, в маленьком пищеводе что-то перемещалось. «По крайней мере, – подумал он (и написал позже в статье для «Популярной механики»), – эта установка может служить великолепным диагностическим аппаратом».

Потом Карун заметил, как движение органов замедляется, и через несколько секунд мышь умерла. Он вытянул ее из портала за мордочку и опустил в бумажный пакет. «Достаточно белых мышей, – подумал он. – Мыши мрут. И если их пропускать через портал целиком, и если только наполовину, но головой вперед. Если же засунуть мышь наполовину, но хвостом вперед, она бежит как ни в чем не бывало. Что-то здесь кроется... Может быть, сенсорная перегрузка... – наугад предположил он. – Может быть, в процессе перехода они видят, или слышат, или чувствуют – Господи, возможно, даже обоняют – нечто такое, что буквально убивает их. Что бы это могло быть?»

Ответа он не знал, но собирался узнать.

У Каруна оставалось еще около сорока минут до того момента, когда его терминал будет отключен от компьютерной сети. Он открутил от стены у кухонной двери термометр, бросился обратно в сарай и сунул его через портал. На входе термометр показывал 83 градуса по Фаренгейту, на выходе – ту же самую цифру. Порывшись в пустой комнате, где хранились детские игрушки, которыми Карун развлекался, случалось, наезжавших в гости внуков, он отыскал пакет с воздушными шариками, надул один из них, завязал и запихнул через портал. Шарик выскочил из другого портала целый и невредимый – в каком-то смысле ответ на предположение Каруна о резких перепадах давления в процессе, который он уже начал называть про себя джонт-процессом.

Когда до конца компьютерного времени оставалось не больше пяти минут, он бросился в дом, схватил аквариум с золотыми рыбками (внутри тут же возбужденно заметались Перси и Патрик) и бегом потащил его в лабораторию. Запихнув аквариум в портал, он побежал в другой конец сарая. Патрик плавал

кверху пузом. Перси медленно, словно оглушенный, кружился у самого дна аквариума, потом тоже всплыл пузом вверх. Карун уже хотел убрать аквариум, когда Перси вдруг судорожно дернул хвостом и вяло поплыл. Медленно, но, похоже, верно он справлялся с воздействием, которое оказал на него переход, и часам к девяти вечера, когда Карун вернулся из ветеринарной клиники Москони, Перси снова вел себя как обычно.

Однако Патрик умер.

Карун насыпал Перси двойную дозу рыбьего корма и с почестями похоронил Патрика в саду.

Когда компьютер все-таки отключился, Карун решил отправиться к Москони в надежде, что его кто-нибудь подбросит до места, и без четверти четыре в джинсах и спортивной куртке яркой расцветки он уже стоял на обочине дороги номер 26, вытянув руку с отставленным большим пальцем. В другой руке он держал бумажный пакет.

Спустя некоторое время рядом остановился «чеветт» размерами чуть побольше банки сардин, и Карун сел в машину.

– Что в пакете, старик? – спросил молодой водитель.

– Дохлые мыши, – честно ответил Карун.

В конце концов рядом с ним остановилась еще одна машина, и на этот раз, когда сидевший за рулем фермер спросил его о содержании пакета, Карун сказал, что там сэндвичи.

Одну мышь Москони подверг вскрытию тут же, с остальными пообещал разобраться позже и позвонить. Предварительные результаты не обнадеживали: насколько Москони мог судить, мышь была абсолютно здорова, если не считать того факта, что она все-таки умерла.

Увы.

– Виктор Карун отличался эксцентричностью, но дураком он отнюдь не был, – сказал Марк.

Служащие с усыпляющим газом подходили все ближе, и он понял, что надо торопиться, иначе конец придется рассказывать, проснувшись уже в Уайтхед-Сити.

– Добираясь в тот вечер до дома – при этом, как уверяет история, половину дороги Карун прошел пешком, – он понял, что, возможно, одним махом решил чуть ли не треть экономических проблем человечества: все грузы, которые отправляются поездами, пароходами и автомашинами, когда-нибудь будут просто джонтироваться. Можно, например, написать письмо своему другу в Лондон, в Рио или в Сенегал, и оно попадет к нему уже на следующий день, причем на его доставку не будет затрачено ни грамма нефти. Мы к этому привыкли, но для Каруна, поверьте мне, это значило очень много. И вообще для всех людей.

– А что случилось с мышками, папа? – спросил Рикки.

– Такой же вопрос продолжал задавать себе Карун, – сказал Марк, – потому что он понял: если джонтом смогут пользоваться еще и люди, это решит почти все энергетические проблемы. И человечество сможет завоевать космос. В статье для «Популярной механики» он писал, что так можно достичь даже звезд. Как он выразился, «перебраться через ручей, не замочив ног». Можно взять большой камень и бросить его в ручей, затем взять еще один, встать на первый и бросить второй. Вернуться, взять третий камень и, встав на второй, бросить его еще дальше. И так далее, пока не получится дорожка через весь ручей... или, в нашем случае, через Солнечную систему, а может быть, и через всю галактику.

– Я ничего не поняла, – сказала Патти.

– Это потому, что у тебя в голове какашки, – тут же съязвил Рикки.

– А вот и нет! Папа, Рикки сказал...

– Дети, не ссорьтесь, – мягко осадил их Мерилис.

– Карун очень хорошо предвидел то, что случилось на самом деле, – продолжал Марк. – Автоматические корабли, запрограммированные для посадки, сели сначала на Луну, потом на Марс, потом на Венеру и на спутники Юпитера... Автоматические корабли, предназначенные только для одного...

– Установить джонт-станцию для астронавтов, – закончил за него Рикки.

Марк кивнул.

– И теперь во всей Солнечной системе работают научные станции, а когда-нибудь, в далеком будущем, у человечества появится, может быть, новая планета. Сейчас корабли с джонт-станциями направлены уже к четырем разным звездам, у каждой из которых есть своя планетарная система. Но они доберутся туда очень-очень не скоро.

– Я хочу знать, что случилось с мышками, – нетерпеливо сказала Патти.

– В конце концов вмешалось правительство, – продолжал Марк. – Карун держал их в неведении, сколько мог, но они таки пронюхали о его открытии и без промедления взяли все в свои руки. Карун оставался номинальным руководителем проекта «Джонт» еще десять лет, до самой своей смерти, но на самом деле он ничем уже не руководил.

– Вот не повезло! – прокомментировал Рик.

– Зато он стал героем, – добавила Патриция. – Он теперь во всех учебниках истории, как президент Линкольн и президент Харт.

«Можно подумать, ему от этого легче», – съязвил про себя Марк и принялся рассказывать дальше, старательно обходя лишние для детей подробности.

Правительство, зажатое в тиски усиливающегося энергетического кризиса, действительно взялось за дело без промедления: джонт-процесс, пригодный для коммерческого использования, нужен был чем раньше, тем лучше. Как говорится, нужен был еще вчера. Перед лицом надвигающегося экономического хаоса и все более реальных картин социальной анархии и массового голода в девяностые годы только уговоры ученых убедили правительство отложить

официальное сообщение об открытии джонта до завершения спектрографического анализа джонтированных объектов. Когда же последние проверки показали, что абсолютно никаких изменений в телепортированных предметах не обнаружено, о существовании джонт-процесса было наконец с помпой объявлено на весь мир.

Вот тут и началось творение мифов о Викторе Каруне, престарелом, несколько странном человеке, который появлялся в лабораториях, может быть, дважды в неделю и менял одежду, только когда об этом вспоминал. Представители правительства, занимавшиеся связями с общественностью, а вслед за ними и рекламные агентства превратили Каруна в комбинацию из Томаса Эдисона, Эли Уитни, Пекоса Билли и Флэша Гордона. Довольно забавная ситуация, хотя и несколько мрачноватая, поскольку Виктор Карун к тому времени, возможно, или выжил из ума, или умер. Как говорится, искусство имитирует жизнь, а Каруну наверняка был знаком роман Роберта Хайнлайна о двойниках, которые заменяют известных публике деятелей.[4 - Р.Хайнлайн, «Дублер». – Примеч. пер.]

Будучи пережитком «экологических» шестидесятых, когда много говорилось и мало делалось (когда еще можно было позволить себе подобную роскошь), Карун, конечно, представлял собой проблему для правительства. Бесконечную проблему, от которой никак не могли избавиться. Однако позже наступили другие времена, когда тучи сажи загадили небо, а огромный кусок калифорнийского побережья мог стать непригодным для жизни лет на шестьдесят из-за «просчетов» в ядерной энергетике. Виктор Карун оставался проблемой примерно до 1991 года, а затем он стал символом – улыбающимся, спокойным, почтенным. Нередко он стал появляться в сводках новостей, где приветливо махал рукой с трибуны. В 1993 году, за три года до официальной даты его смерти, он даже участвовал в торжественном параде, медленно проезжая по городу в открытой машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Cain Rose Up. © Stephen King, 1968. © 1997. Д.В. Вебер. Перевод с английского.

2

Mrs Todd's Shortcut. © Stephen King, 1984. © 1997. А.И. Корженевский. Перевод с английского.

3

The Jaunt. © Stephen King, 1981. © 1997. А.И. Корженевский. Перевод с английского.

4

Р.Хайнлайн, «Дублер». – Примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/zaklyatie-paranoika-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)